

3127520

6XIII 18

А. Д. Бутовскій.

X

ГОДЫ МОЕГО УЧЕНЬЯ

въ

Петровскомъ-Полтавскомъ

КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ.

— • —

Посвящается

родному корпусу по случаю его 75-лѣтїя, 1840—1915 и.

— * —

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.

1915.

1-й фз

Поступилъ въ продажу

Систематическій Указатель Статей,

напечатанныхъ въ неофициальной части „Педагогическаго Сборника“ за пятьдесятъ лѣтъ (1864—1914 г.). Съ кратк. ист. очеркомъ журнала и 3 портретами. Стр. X+288.

Ц. 1 р. 20 н.

Складъ: Петроградъ, Тучк. 11, кв. 11.

Высказывается только съ наложеннымъ платежомъ.

Изъ отзывовъ печати:

I. „Какъ указатель журнальныхъ статей, это не первый опытъ въ русской библиографіи. Многие русскіе журналы имѣютъ росписи своего содержанія... Но слѣдуетъ сказать, что указатель къ „Пед. Сборн.“ составленъ С. А. Переселенковымъ по наиболее рациональной системѣ. Весь обильный матеріалъ отчетливо распределенъ по крупнымъ отдѣламъ воспитанія и обученія, каковы, напр.: исторія русскаго просвѣщенія, народное образованіе за границей, школьная гигиена; внутри этихъ отдѣловъ имѣются еще дробныя дѣленія, въ которыхъ матеріалъ располагается въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Рецензій на книги выдѣлены въ особую часть, съ той же системой. Обширный алфавитный указатель авторовъ и переводчиковъ облегчаетъ справки. Теоретикамъ и практикамъ среднешкольнаго образованія этотъ указатель *необходимъ*; онъ же является прекраснымъ образцомъ для аналогичныхъ новыхъ библиографическихъ работъ“...

(Н. Писановъ.—„Русск. Мысль“, № 6, 1915 г.).

II. „Тщательно составленный, детальный указатель С. А. Переселенкова, дающій даже перечень всѣхъ помѣщенныхъ въ журналъ рецензій, является *весьма полезнымъ* для всякаго, кто интересуется литературой по тому или иному педагогическому вопросу. Изданъ онъ хорошо и цѣна за него назначена вполне умѣренная“...

(Н. Бахтинъ.—„Русск. Школа“, № 4, 1915 г.).

III. „Многія изъ статей, помѣщенныхъ на страницахъ „Педаг. Сборн.“ въ теченіе цѣлыхъ 50-ти лѣтъ, представляютъ несомнѣнный интересъ и историческое значеніе, а потому указатель ихъ, составленный по отдѣламъ и по весьма удобной для искателя системы, долженъ явиться *весьма цѣннымъ* справочникомъ, къ которому часто, должно быть, будутъ прибѣгать всѣ тѣ, кто работаетъ надъ исторіей русской педагогики и кто „интересуется ея вопросами въ прошломъ и настоящемъ“...

(„Извѣстія по Литературѣ“, № 6, 1915 г., стр. 98).

IV. „Составленный съ *большою тщательностью*, указатель этотъ даетъ возможность быстрой и легкой справки по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, которые трактовались въ журналѣ“...

(„Народн. Образованіе“, № 4, 1915 г.).

V. „Для лицъ, интересующихся математикой и ея преподаваніемъ, этотъ „Указатель“ является *весьма цѣнной* книгой“...

(Д-рій.—„Математ. Образованіе“, апрѣль, 1915 г.).

А. Д. Бутовскій.

ГОДЫ МОЕГО УЧЕНЬЯ

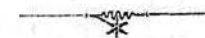
въ

Петровскомъ-Полтавскомъ

КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ.

Посвящается

родному корпусу по случаю его 75-лѣтія, 1840—1915 г.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.

1915.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Педагогическій Сборникъ»,
№№ 11 и 12, 1915 г.

I.

Я поступилъ въ Полтавскій корпусъ въ августѣ 1849 года. Мнѣ было тогда 11 лѣтъ. Я былъ хорошо подготовленъ тутъ же въ Полтавѣ, въ пансіонѣ Пельпоръ-Гавнотъ, и меня приняли прямо въ 1 общій классъ. Какъ новичка и малолѣтняго меня зачислили въ неранжированную роту.

Въ объясненіе этихъ терминовъ, незнакомыхъ позднѣйшимъ питомцамъ нашего корпуса, надо сказать, что губернскіе корпуса имѣли тогда четырехсотенный комплектъ и дѣлились на четыре роты и шесть классовъ. Старшія три роты имѣли тогдашнія регламентарныя наименованія: Гренадерская, 1-я мушкетерская и 2-я мушкетерская. Эти роты составляли батальонъ, обучались съ ружьями, имѣли для парадныхъ случаевъ мундиры, каски, тесаки съ широкими и толстыми бѣлеными ремнями, и даже ранцы на случай похода изъ корпуса въ лагерь.

Неранжированная рота, ничего этого не имѣла. Тутъ кадеты носили только повседневное тогдашнее кадетское платье—куртку съ очень высокимъ и твердымъ стоячимъ воротникомъ, застегивавшимся на четыре крючка, и очень стѣснительные панталоны безъ прорѣза, лѣтомъ сѣрые нанковые, зимою синеватые суконные.

Новички младшихъ классовъ опредѣлялись всегда въ неранжированную роту, въ которой и оставались обыкновенно около двухъ лѣтъ; потомъ ихъ переводили во 2-ю мушкетерскую, а оттуда черезъ годъ или два въ одну изъ двухъ старшихъ ротъ, главнымъ образомъ въ зависимости отъ ихъ роста: высокіе шли въ гренадерскую роту, кто пониже въ 1-ю мушкетерскую.

Изъ шести классовъ два младшіе назывались приготовитель-

ными, четыре старшіе общими. Я поступилъ стало быть прямо въ третій классъ, и если бы я не былъ молодъ для своего класса и былъ болѣе плотенъ на видъ, то меня могли бы назначить прямо въ 2-ю роту.

Наша неранжированная рота находилась за церковнымъ корридоромъ, тамъ гдѣ теперь помѣщается лазаретъ корпуса, а лазаретъ былъ въ нижнемъ этажѣ подъ нею. Налѣво отъ корридора была рекреационная зала, направо спальня.

Войдя въ залу, я нашелъ въ ней такое оживленіе, къ какому я не привыкъ въ пансіонѣ, потому что тамъ не было такого простора. Тутъ все дышало жизнью. Въ глубинѣ залы подъ форменнымъ портретомъ императора Николая Павловича стояло большое кресло, и въ немъ сидѣлъ дежурный офицеръ, въ тогдашнемъ короткомъ и узкомъ мундирѣ съ фалдами, въ эполетахъ и въ шарфѣ, съ длинными висящими концами и тяжелыми кистями; передъ нимъ на столѣ стояла его каска и лежали перчатки. Упоминаю обо всемъ этомъ потому, что до того времени мнѣ едва ли приходилось хоть разъ видѣть военную форму во всемъ ея блескѣ.

Мнѣ бросилось въ глаза, что офицеръ, цвѣтомъ и формою своихъ усовъ и бакенбардъ, своею прическою и корпуленціею слегка напоминалъ черты висѣвшаго надъ нимъ портрета. Это былъ Андрей Ивановичъ Полонскій, одинъ изъ очень немногихъ, оставшихся на службѣ и послѣ преобразованія корпуса въ военную гимназію.

Вокругъ стола толпились кадеты, очевидно хорошо уже освоившіеся съ корпусомъ, и звучно разговаривали съ офицеромъ. Андрей Ивановичъ былъ не рѣчистъ, но умѣлъ иногда сказать бойкое слово, за которымъ слѣдовалъ звучный взрывъ хохота веселыхъ мальчугановъ.

Когда швейцаръ подвелъ меня къ нему, онъ ласково посмотрѣлъ на меня:—«А, нашего полку прибыло!»—записалъ на лежащемъ передъ нимъ листѣ бумаги мое имя и фамилію и сказалъ:—«ну, иди, мой милый, знакомься съ другими новичками; вотъ, посмотри, сколько ихъ тамъ сидитъ...» По залѣ бѣгали и кружились другіе мальчики въ форменныхъ курточкахъ; у столовъ и у стѣнъ смирно ютились только что поступившіе но-

вички въ собственныхъ платьяхъ. Ихъ не трогали и не обижали намѣренно, но не обходилось безъ того, чтобы иной сорванецъ, пробѣгая мимо новичка, не помахалъ задорно своею рукою передъ самымъ его носомъ и не объяснилъ ему, что «воздухъ казенный».

Когда построились къ ужину, насъ, новичковъ, поставили на лѣвомъ флангѣ, чтобы мы не мѣшали идти въ ногу.

Въ это время пришелъ нашъ ротный командиръ капитанъ Василій Ивановичъ Дудышкинъ.

Когда вернулись отъ ужина, онъ собралъ всѣхъ насъ новичковъ въ спальню, поговорилъ съ каждымъ изъ насъ особо, а потомъ сталъ объяснять намъ, что надо дѣлать и какъ надо себя вести, чтобы поскорѣе сдѣлаться настоящими хорошими кадетами.

Его рѣчь была такъ проста, такъ благодушна, такъ доступна нашему пониманію и такъ вѣрно затрогивала наши дѣтскія сердца, что мы легли спать совсѣмъ успокоенные и проснулись на другой день съ такимъ чувствомъ, какъ будто мы уже совсѣмъ свои въ этой новой для насъ обстановкѣ.

Сразу же мы полюбили Василя Ивановича и сохранили эту любовь къ нему во всѣ годы нашего пребыванія въ корпусѣ.

На слѣдующій день насъ развели по классамъ, которые всѣ находились въ третьемъ этажѣ; только для I приготовительнаго были устроены два отдѣленія при неранжированной ротѣ.

Въ моемъ отдѣленіи I общаго класса я оказался единственнымъ новичкомъ и единственнымъ неранжированнымъ кадетомъ. Большинство было изъ II-й мушкетерской роты, но были старички и изъ I-й. Я очутился такимъ образомъ въ особомъ и невыгодномъ положеніи. Всѣ говорили со мною такъ, какъ будто меня надо было еще просвѣщать, а когда разговоръ заходилъ о какихъ-нибудь особенныхъ кадетскихъ дѣлахъ или штукахъ, то все это облекалось передо мною въ какую-то таинственную форму, и къ такимъ разговорамъ меня не допускали.

II.

О прежнихъ кадетскихъ корпусахъ, которые были преобразованы потомъ въ военныя гимназiи и военныя училища, писали и говорили много и съ очень различныхъ точекъ зрѣнiя. Одни, по большей части бывшiе питомцы этихъ корпусовъ, вспоминали о нихъ съ большою теплотою и находили обыкновенно, что преобразование кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназiи понизило нѣкоторыя очень важныя стороны въ воспитанiи будущихъ офицеровъ. Другiе, — надо правду сказать, что и между этими послѣдними бывали также старые кадеты, — относились къ воспитательному режиму прежнихъ корпусовъ съ рѣшительнымъ осужденiемъ и описывали годы пребыванiя своего въ этихъ заведенiяхъ въ довольно мрачныхъ краскахъ.

Все зависитъ, разумѣется, отъ преобладанiя положительныхъ или отрицательныхъ представлений въ личныхъ воспоминавiяхъ человека. Поэтому именно воспоминанiя старыхъ людей рѣдко бываютъ объективны и, если они не основаны на фактическихъ данныхъ, то даже при большомъ ихъ литературномъ достоинствѣ они рѣдко даютъ вамъ самыя характерныя особенности описываемыхъ событiй и явленiй.

Я вспоминаю годы моего ученiя въ Полтавскомъ корпусѣ съ самымъ теплымъ чувствомъ. Я и до сихъ поръ, попадая въ Полтаву, не могу безъ волненiя смотрѣть на монументальный фасадъ корпуса, на огромный, круглый, принадлежащiй когда-то корпусу садъ, съ чудеснымъ, величественнымъ памятникомъ Полтавской побѣды; я и теперь еще съ какимъ-то трепетнымъ умиленiемъ вхожу въ это такъ давно и такъ хорошо знакомое мнѣ зданiе, съ его безконечными гулкими корридорами, огромными залами, и считаю себя и теперь еще счастливымъ, когда мнѣ удастся простоять службу въ чудномъ корпусномъ храмѣ, съ необъятными царскими вратами и съ художественнымъ иконостасомъ, строго выдержаннымъ въ стилѣ Empire. Я снова вижу себя мальчикомъ, счастливымъ, бойкимъ; передо мною воскресаютъ тѣни прошедшаго, теперь милыя тѣни...

Мнѣ тоже, разумѣется, трудно быть объективнымъ.

Но я долго служилъ въ военно-учебномъ вѣдомствѣ, я былъ близкимъ свидѣтелемъ расцвѣта военныхъ гимназiй и обращенiя ихъ въ новые кадетскiе корпуса. Я принималъ участiе въ работахъ по усовершенствованiю воспитательной и учебной части въ этихъ новыхъ заведенiяхъ, и потому мнѣ кажется, что я довольно ясно представляю себѣ разницу между воспитательнымъ режимомъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ и теперешнихъ.

Въ моихъ воспоминавiяхъ я съ понятнымъ благодарнымъ чувствомъ могу остановиться иногда на хорошихъ, радостныхъ дняхъ моей жизни въ корпусѣ, — а такихъ дней у меня было много, — но надѣюсь, что у меня всегда найдется масштабъ для оцѣнки отрицательныхъ явленiй въ нашей старой корпусной жизни.

Случается иногда слышать, что новые кадетскiе корпуса мало отличаются отъ прежнихъ, дореформенныхъ. Но это могутъ говорить люди, знающiе прежнiе корпуса только по наслышкѣ.

Разница и въ воспитательномъ, и въ учебномъ режимѣ и вообще во всѣхъ сторонахъ внутренней жизни этихъ заведенiй была очень большая.

Начать съ того, что прежнiе корпусные офицеры не были воспитателями въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это теперь. Такая обязанность не возлагалась на нихъ и по закону.

Номинально они вѣдали отдѣленiями, но не классными, а строевыми, въ которые по росту попадали кадеты разныхъ классовъ. Но завѣдыванiе это было именно только номинальное. Они приходили послѣ утреннихъ классовъ, чтобы присутствовать на строевомъ ученiи, которое преподавалось намъ присылаемыми изъ образцоваго полка нижними чинами; ретивые офицеры осматривали иногда у насъ учебники или тетрадки, но, сколько помню, этимъ въ сущности и ограничивалась ихъ воспитательская работа.

Въ дѣйствительности отдѣленiемъ управлялъ кадетъ унтеръ-офицерскаго званiя; онъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы мы были во всѣхъ отношенiяхъ исправными кадетами, и имѣлъ право ставить насъ на штрафъ за разныя кадетскiя провинности.

Черезъ три дня въ четвертый офицеры дежурили, одѣтые

цѣлый день въ парадную форму, и въ этомъ въ сущности состояла ихъ главная обязанность. Они должны были смотрѣть за правильнымъ теченіемъ жизни во всей ротѣ. Были между ними такіе, которыхъ кадеты любили и которые заслуживали этой любви своимъ ласковымъ обращеніемъ; были безразличные, молчаливые, видимо скучавшіе на дежурствахъ; были и строгіе, ставившіе въ неранжированной ротѣ на штрафы, подъ лампу, и оставлявшіе безъ блюда за ужиномъ, но настоящимъ блюстителемъ порядка среди кадетъ былъ фельдфебель, особенно же, если дежурилъ офицеръ изъ чужой роты, что въ то время нерѣдко случалось.

Скажу еще, что отдѣленные офицеры не имѣли рѣшительно никакого отношенія къ нашимъ учебнымъ занятіямъ. Это была характерная особенность того времени. Никому изъ кадетъ и въ голову не могло придти обратиться къ офицеру за помощью, напримѣръ, въ приготовленіи уроковъ. Да, я думаю, едва ли они были и въ состояніи, за единичными развѣ исключеніями, оказать такую помощь. Было между ними два, три человѣка, которые преподавали даже учебные предметы и потомъ перешли на учительскія должности,—довольно назвать учителя географіи Туржанскаго и учителя математики Сильвестровича,—было нѣсколько поступившихъ уже при мнѣ изъ артиллеріи, каковы Самойловъ, Рубецъ (Петръ Павловичъ), и видимо стоявшихъ выше другихъ по образованію. Но въ огромномъ большинствѣ это были люди очевидно не высокаго учебнаго ценза. Я, кажется, не ошибусь, если скажу, что все это были типичные армейскіе офицеры того времени изъ недоучившихся дворянъ, пронаводившихся послѣ длиннаго срока конекерской муштровки.

Замѣчу, что за помощью въ нашихъ учебныхъ занятіяхъ мы не могли обращаться и къ нашимъ унтеръ-офицерамъ; они, какъ и мы, бывали погружены въ приготовленіе своихъ собственныхъ уроковъ.

Такимъ образомъ намъ не было въ этомъ отношеніи рѣшительно никакой помощи: справляйся самъ со своимъ учебнымъ дѣломъ, какъ знаешь.

Я думаю, что этимъ объясняется тотъ большой осадокъ неуспѣшныхъ, который обыкновенно образовывался въ прежнихъ

кадетскихъ корпусахъ и который распредѣлялся въ прапорщичьихъ чинахъ по линейнымъ и гарнизоннымъ батальонамъ. Но въ этихъ трудныхъ условіяхъ вырабатывалась также и та большая работоспособность, которою отличались въ свое время не только выдающіеся, но и средніе люди стараго кадетскаго режима.

Въ похвалу офицерамъ моего времени могу сказать, что между ними не было такихъ, къ которымъ кадеты относились бы съ ненавистью. Были между ними люди мелочные, придирчивые; но за четыре года моего пребыванія въ корпусѣ я не помню такихъ, которыхъ кадеты подозрѣвали бы въ подсматриваніи, въ подслушиваніи или въ ловленіи.

Правда, и кадеты въ мое время были довольно покладисты. Объ этомъ мнѣ придется еще говорить ниже.

III.

Дѣйствительными воспитателями, несущими отвѣтственность за нравственное состояніе кадетъ, были въ то время ротные командиры, и никто другой не раздѣлялъ съ ними этой отвѣтственности. Они были и полными хозяевами въ своихъ ротахъ.

Я считаю, что именно эта капитальная особенность въ организаціи старыхъ кадетскихъ корпусовъ совершенно отличала ихъ отъ новыхъ корпусовъ, преобразованныхъ изъ военныхъ гимназій, и меня удивляетъ, что на эту особенность совсѣмъ не обращали вниманія бывшіе кадеты, писавшіе свои воспоминанія.

За мое время гренадерской ротой командовалъ капитанъ Иванъ Романовичъ Тимченко-Рубанъ, 1-й мушкетерской капитанъ Викторъ Ивановичъ Евдокимовъ, 2-й мушкетерской капитанъ Рихтеръ (кажется, Егоръ Карловичъ). Этого Рихтера я едва помню, такъ какъ онъ скоро вышелъ въ отставку, а на его мѣсто былъ назначенъ Василій Семеновичъ Клименко. Командиромъ неранжированной роты, за весь первый годъ моего пребыванія въ ней, былъ Василій Ивановичъ Дудышкинъ.

Это былъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень выдающійся чело-вѣкъ не только между ротными командирами, но и во всемъ составѣ военныхъ и гражданскихъ чиновъ корпуса.

Сколько помню, онъ учился въ Московскомъ Межевомъ институтѣ. Когда онъ былъ зачисленъ въ корпусъ, я не знаю; но поступилъ онъ учителемъ математики и физики. Роту онъ принялъ только весною, за нѣсколько мѣсяцевъ до моего поступленія въ корпусъ, и оставался онъ ротнымъ командиромъ только до конца учебнаго года, такъ какъ его перемѣстили на должность помощника инспектора классовъ, послѣ вышедшаго въ отставку Василія Антоновича Скалона.

Василій Ивановичъ продолжалъ свою учительскую работу и въ то время, когда былъ ротнымъ командиромъ, и потомъ, до конца своей службы въ корпусѣ, и это былъ одинъ изъ самыхъ способныхъ учителей, какихъ только мнѣ приходилось знать впоследствии.

Припоминаю, что онъ удивлялъ насъ въ старшихъ классахъ своею математическою находчивостью, что мы любили сидѣть у него въ классѣ, потому что объясненія его были всегда удивительно понятны даже для малоспособныхъ.

Въ то время не было еще учебниковъ по многимъ предметамъ; учителя выдавали намъ свои записки, которыя мы списывали въ тетрадки. Листки Василія Ивановича были всегда написаны такъ чисто, формулы были расположены такъ наглядно и красиво, рисунки отъ руки были такіе понятные и занимательные, что у многихъ рождалось желаніе писать и чертить такъ, какъ это дѣлаетъ Василій Ивановичъ.

Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человекомъ многосторонне образованнымъ и умѣлъ дѣлать всякое дѣло съ простотою и благодушіемъ талантливаго русскаго человека. Надо было учителя физики, онъ читалъ физику и прекрасно дѣлалъ опыты; вводился новый учебный предметъ, ботаника, и, пока не было спеціалиста, онъ читалъ ботанику и водилъ даже кадетъ на гербаризаціи.

Надо было, праздниками, поставить кадетскій спектакль,—а въ то время это было важное дѣло, такъ какъ мы не ѣздили на праздники въ отпускъ,—и Василій Ивановичъ выбиралъ пьесу, раздавалъ роли и съ большимъ умѣньемъ занимался репетиціями.

Всѣ эти свойства Василій Ивановичъ вносилъ и въ свое

управленіе ротой. Онъ обращался съ нами какъ съ дѣтьми; все, что было нужно, онъ разъяснялъ намъ спокойно и просто, и ему никогда почти не приходилось прибѣгать къ наказаніямъ.

Я думаю, что по тому времени его сослуживцы считали его слабымъ; можетъ быть, отчасти это такъ и было, но зато съ какою готовностью онъ поощрялъ всякія хорошія проявленія. Помню, онъ приносилъ намъ иногда въ подарокъ книги, которыя могли быть намъ полезны въ нашемъ ученіи. Разъ онъ подарилъ мнѣ французскій учебникъ ботаники съ очень интересовавшими меня гравированными рисунками.

Такихъ, которые очень хорошо учились за недѣлю, человекъ трехъ, четырехъ онъ бралъ иногда съ собою по воскресеньямъ погулять по городу, покупалъ имъ лакомствъ, картинокъ и приводилъ къ себѣ пить чай. Онъ былъ тогда еще человекомъ одинокимъ, но небольшая квартира его въ главномъ зданіи корпуса представлялась намъ чѣмъ-то въ родѣ музея или лабораторіи. Были тутъ и физическіе приборы, и гербаріи, и акваріи, и тераріи, и новыя еще тогда гальванопластическія работы, и все это бесконечно насъ занимало.

Но даже и такому человеку, какъ Василій Ивановичъ, не подъ силу была воспитательская работа надъ каждымъ изъ ста человекъ, составлявшихъ его роту. Теперь это для насъ ясно, но тогда иначе понимали и задачу и самый процессъ воспитательскаго дѣла. Думали, что надо было вести не отдѣльныя единицы, а массу; что надо было главнымъ образомъ слѣдить, чтобы всѣ исправно выполняли то, что слѣдуетъ, порядочно учились и порядочно себя вели. Отстающихъ надо было подгонять, выдающихся въ хорошую сторону своимъ поведеніемъ и ученіемъ признавалось полезнымъ поощрять. Но внутренній міръ отдѣльнаго мальчика могъ открыться ротному командиру развѣ только случайно, и не всякій ротный командиръ понималъ въ то время, какъ ему надо было поступать въ такомъ неожиданномъ случаѣ.

Василій Ивановичъ это понималъ, но сто человекъ воспитанниковъ было много и для него. Фельдфебель и унтеръ-офицеры не могли въ то время оказать ему большой помощи. Они могли исправно наблюдать, чтобы у кадетъ были почищены пуговицы, и сапоги, чтобы куртки не были разорваны у нихъ полъ мышками,

но они вѣдь сами дошли до III или IV общаго класса, подчиняясь только массовымъ вліяніямъ и требованіямъ, и ихъ самихъ надо было еще воспитывать.

Были между нашими старшими юноши по натурѣ очень хорошіе, умѣвшіе обращаться съ нами мягко, даже участливо. Таковъ былъ мой первый фельдфебель Липинъ (Андрей), таковъ былъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ нашей роты, Яковъ Кучеровъ. Не могу сказать дурного и объ остальныхъ; въ нихъ не было ничего безнравственнаго или злостнаго, но мы рѣшительно не были склонны обращаться къ нимъ съ нашими задушевными запросами.

Скажу здѣсь же, что бывали, конечно, очень неудачныя назначенія старшихъ въ перанжированную роту. Я слышалъ рассказы объ одномъ возмутительномъ драчунѣ. Это было уже послѣ меня; но при нѣкоторомъ, даже чисто формальномъ надзорѣ со стороны ротнаго командира такіе случаи могли быть только какъ рѣдкія исключенія.

Другіе ротные командиры понимали свои обязанности проще, чѣмъ Василій Ивановичъ. Иванъ Романовичъ Рубанъ, воспитанникъ Павловскаго кадетскаго корпуса, былъ человѣкъ добрый, общительный и говорливый; очень любилъ рассказывать, какіе молодцы были кадеты въ его время и въ его корпусѣ; любилъ зайти въ пѣвческій классъ, къ Николаю Михайловичу Спасскому, и показать, какъ пѣли въ Павловскомъ корпусѣ басовую партію Симоновской херувимской; отлично командовалъ онъ головою ротою на батальонныхъ ученьяхъ въ лагерѣ, но какъ ротный командиръ онъ былъ человѣкъ не сильный: ему хотѣлось распоряжаться, но распоряжаться онъ не умѣлъ...

Викторъ Ивановичъ Евдокимовъ былъ маленькій человѣкъ съ гнусавымъ басомъ, который часто можно было слышать въ корридорѣ его роты; но человѣкъ онъ былъ спокойный, и рота его жила такъ, какъ будто ротный командиръ былъ у нея только для представительности.

Можетъ быть, при другихъ условіяхъ и Иванъ Романовичъ, и Викторъ Ивановичъ были бы, по тогдашнимъ понятіямъ, и болѣе сильными людьми. Но какъ разъ въ это время обстоятельства измѣнились.

Кадеты помнили еще, какъ при прежнемъ директорѣ, генералѣ Струмило, ротные командиры и другое высшее начальство свободно и безконтрольно пользовались розгою для насажденія добрыхъ нравовъ и охоты къ ученью. Въ воспоминаніяхъ о нашемъ корпусѣ покойнаго М. А. Домонтовича, напечатанныхъ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1890 г., есть грустныя и возмутительныя картинки этого безудержнаго господства розги.

Съ понятнымъ озлобленіемъ вспоминали потомъ всю свою жизнь и о томъ времени и о тѣхъ людяхъ бывшіе питомцы нашего корпуса.

Но съ новымъ директоромъ нравы вдругъ перемѣнились. Командирамъ двухъ старшихъ ротъ рѣшительно запрещено было наказывать кадетъ розгами; въ двухъ младшихъ ротахъ это было, насколько могу судить, допущено, но только всякій разъ съ вѣдома директора. Нечего и говорить, что Василій Ивановичъ и въ мысли не могъ имѣть наказать кого-нибудь розгами, но командиры старшихъ ротъ видимо чувствовали себя такъ, какъ будто у нихъ было отнято самое важное средство воспитательнаго воздѣйствія. Они видѣли въ этомъ какъ бы начало разрушенія твердыхъ устоевъ корпусной жизни и внутренне негодовали на директора.

Это недовольство директоромъ, хотя какъ-будто и по другому поводу, сказалось позднѣе въ запискахъ И. Р. Рубана въ Историческомъ Вѣстникѣ, спустя много лѣтъ послѣ того, какъ онъ покинулъ корпусъ. Онъ служилъ тогда воинскимъ начальникомъ въ Кутаисѣ, а генерала Врангеля давно уже не было въ живыхъ.

Интересную фигуру представлялъ командиръ 2-й мушкетерской роты капитанъ Рихтеръ.

Кадеты рассказывали мнѣ, еще въ перанжированной ротѣ, что у этого Рихтера былъ такой порядокъ: получаешь ты первый дурной баллъ, онъ тебя оставляетъ безъ блюда; за второй дурной баллъ ты получаешь у него одинъ супъ; за третій дурной баллъ онъ ставитъ тебя къ барабанщику (т.-е. оставляетъ совсѣмъ безъ обѣда), а за четвертый дурной баллъ—розги. Потомъ опять за первый дурной баллъ безъ блюда, и такъ далѣе, а за четвертый снова непременно высѣчетъ. И это уже безъ всякой перемѣны. Такъ что если ты въ году получалъ восемь

дурныхъ балловъ, то онъ тебя высѣчетъ непременно два раза, все равно хорошаго ты поведенія или нѣтъ; если получишь въ году двадцать дурныхъ балловъ, то онъ тебя высѣчетъ непременно пять разъ... Но это еще не все: когда ты получаешь единицу или ноль, то тебя сѣкутъ за всякій такой баллъ безъ очереди, даже если у тебя до того не было ни одного дурного балла!..

Не выдаю этого за непреложную правду, но, судя по рассказамъ кадетъ, нѣчто подобное при прежнемъ директорѣ у него было.

Я встрѣтился съ этимъ Рихтеромъ много позднѣе, когда онъ былъ уже давно въ отставкѣ, а я служилъ репетиторомъ въ нашемъ корпусѣ; онъ съ искреннимъ волненіемъ рассказывалъ мнѣ, что онъ любилъ кадетъ и заботился о нихъ, какъ нѣжная мать...

Возможно, что онъ и не былъ живодеръ по натурѣ, а просто добросовѣстно придерживался опредѣленнаго метода.

IV.

Иерархія воспитательнаго и строевого состава корпусныхъ чиновъ не оканчивалась ротными командирами. Выше былъ младшій штабъ-офицеръ, подполковникъ Василій Николаевичъ Линевицъ, а еще выше стоялъ батальонный командиръ полковникъ Федоръ Николаевичъ Дубровинъ.

Въ чемъ заключалась служба младшаго штабъ-офицера, мы, кадеты, не знали; вѣроятно, у него были какія-нибудь обязанности, но въ ротахъ онъ появлялся рѣдко. Наружность у него была добродушная и тонъ голоса отечески наставительный, но рассказывали, что когда онъ былъ командиромъ неранжированной роты (до Дудышкина), то каждый день кого-нибудь отечески пощипалъ, кого за дурной баллъ, кого за платокъ замаранный въ чернилахъ, кого за драку и т. п.

Полковникъ Дубровинъ былъ бравый, хорошо выпрямленный человекъ, съ густыми усами и лысой головой, и со звонкими шпорами. Почти каждый день онъ обходилъ роты во время строевого ученья, здоровался и дѣлалъ какія-нибудь два-три замѣчанія звучнымъ, четкимъ голосомъ; но въ мое время ни вла,

ни добра онъ никому не дѣлалъ. Въ лагерѣ онъ мастерски командовалъ на батальонныхъ ученьяхъ трехъ строевыхъ ротъ, способствуемый въ этомъ такими мастерами тогдашняго строевого балета, какъ Рубанъ, Евдокимовъ, Полонскій и другіе.

Учебное дѣло стояло совсѣмъ въ сторонѣ отъ этой воспитательной и строевой части стараго кадетскаго режима.

О нашихъ учебныхъ порядкахъ я буду говорить ниже, здѣсь же скажу нѣсколько благодарныхъ словъ о человекѣ, стоявшемъ во главѣ всей этой воспитательной и учебной организаціи.

Генералъ-лейтенантъ Егоръ Петровичъ Врангель былъ человекъ уже немолодой, но довольно бодрый, съ почтенной и представительной наружностью. До назначенія директоромъ онъ командовалъ кавалерійскою дивизіею и долженъ былъ оставить строевую службу по разстроенному здоровью. Рассказываю это не по документальнымъ даннымъ; такъ объ этомъ говорили въ то время, но, думаю, что этотъ человекъ всегда пользовался доброю славою за свои прекрасныя нравственныя свойства. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ въ Историческомъ Вѣстникѣ были помѣщены воспоминанія г-жи Скалонъ, урожденной Капнистъ, вдовы нашего бывшаго помощника инспектора классовъ В. А. Скалона. Рассказывая о событіяхъ 1825 г., она съ благодарностью вспоминаетъ благородное, высокое человѣчное отношеніе состоявшаго при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ адъютанта Врангеля къ одному изъ арестованныхъ въ то время ея родственниковъ. Этотъ адъютантъ и сдѣлался въ мое время директоромъ нашего корпуса. Позднѣе, въ 1855 г. онъ былъ назначенъ попечителемъ Бѣлорусскаго (нынѣ Виленскаго) учебного округа.

Слѣдуя военнымъ правамъ того времени, большинство тогдашнихъ директоровъ держали себя въ глазахъ кадетъ, какъ грозные представители военной власти. Они появлялись среди кадетъ не часто и всегда въ сопровожденіи болѣе или менѣе внушительной свиты. Посѣщеніе оканчивалось по большей части тѣмъ, что директоръ замѣчалъ какую-нибудь неисправность, которая приводилась въ порядокъ либо имъ самимъ, либо, по его уходѣ, ротнымъ командиромъ въ цейхгаузѣ, гдѣ стояли, въ кадкѣ

съ водою, пучки розогъ. Такіе рассказы ходили о предшественникѣ нашего директора, генералѣ Струмпилло; то же самое слышалъ я потомъ объ Орловскомъ директорѣ генералѣ Тиньковѣ и почти обо всѣхъ прежнихъ директорахъ столичныхъ корпусовъ.

У Врангеля не было для насъ ничего страшнаго. Когда было нужно, онъ умѣлъ быть серьезнымъ и неуклоннымъ начальникомъ; но по натурѣ своей это былъ добрый, доступный и отечески мягкій человекъ. Мы его видѣли почти каждый день и по большей части безъ всякой свиты. Бѣгаемъ мы себѣ по корридору и по залѣ и вдругъ съ боковой площадки появляется спокойная, почтенная фигура генерала въ тогдашнихъ большихъ эполетахъ и съ палочкой. Офицеръ суетливо командуетъ намъ «смирно» и идетъ рапортовать. Директоръ съ улыбкой озирается кругомъ и спрашиваетъ:—«ну, какъ идутъ у васъ дѣла?» беретъ двухъ-трехъ изъ насъ и садится на табуретъ (именно на табуретъ, а не на кресло), чтобы поговорить съ нами. Подходятъ понемногу и другіе. Онъ всегда умѣетъ отличить хорошихъ кадетъ и умѣетъ говорить съ ними и серьезно и шутливо. Узнавая Лѣвитаевъ или Шалуновъ, онъ наставительно грозитъ имъ пальцемъ и припоминая чей-нибудь недавній проступокъ, строго спрашиваетъ его:—«ну-ка, мой милый, расскажи, что ты тамъ такое надѣлалъ».—По мѣрѣ рассказа лицо его становится все болѣе серьезнымъ и грустнымъ. У этого стараго и почтеннаго человека была огромная способность мимическаго выраженія своихъ ощущеній, а когда онъ бывалъ въ духѣ, онъ съ большимъ мастерствомъ умѣлъ рассказать какой-нибудь поучительный случай.

Въ старшихъ ротахъ помнили еще прежняго директора и по крайней мѣрѣ въ первые годы не съ такимъ довѣріемъ относились къ новому. Ему чаще приходилось выражать тамъ порицаніе, чѣмъ удовольствіе. Служая докладъ ротнаго командира или дежурнаго офицера, онъ печально кивалъ головою и старался тронуть кадета своею задушевною рѣчью. Не всякаго искусившагося кадета можно было однако тронуть въ то время такимъ безобиднымъ средствомъ. «Старые кадеты» стали называть директора «прискорбіемъ» и стали увѣрять, что чѣмъ

больше у директора прискорбія, тѣмъ выше выдѣзаетъ его черныи галстукъ сверхъ краснаго воротника.

— «Вотъ идетъ директоръ; сегодня, кажется, будетъ большое прискорбіе»...

Это было впрочемъ только въ первые годы; впоследствии онъ сталъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ.

Вспоминаю объ Егорѣ Петровичѣ Врангелѣ съ чувствомъ самой глубокой благодарности; у меня и теперь всегда виситъ передъ глазами его портретъ ¹⁾.

Военные чины корпуса были слишкомъ погружены тогда въ строевой формализмъ и не могли содѣйствовать желанію почтеннаго директора стать ближе къ кадетамъ. Чтобы пособить этому, директоръ сталъ звать къ себѣ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ кадетъ по праздникамъ къ обѣду. Это, разумѣется, не осталось безъ хорошихъ послѣдствій для смятенія нравовъ въ старшихъ ротахъ. Директоръ умѣлъ сдѣлать эти посѣщенія и занимательными и поучительными для кадетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и самъ становился ближе къ кадетскимъ интересамъ. Приглашалось обыкновенно немного, одинъ—два за одинъ разъ, и кадеты любили эти приглашенія. Не обходилось, разумѣется, и безъ критическихъ отзывовъ кадетскаго пошиба. — «Директоръ добрый, ласковый, веселый и обѣдъ у него отличный, но только хлѣбъ у него рѣжутъ такими тонкими ломтями, что съѣшь весь кусокъ съ первыми ложками супа и приходится ѣсть остальное безъ хлѣба»...

Меня уважаемый Егоръ Петровичъ бралъ къ себѣ довольно часто, особенно когда я перешелъ уже въ старшіе классы, и оставлялъ обыкновенно на весь вечеръ въ обществѣ своихъ двухъ сыновей Фердинанда и Феде, прекрасныхъ мальчиковъ, съ которыми я любилъ проводить время. Генеральша послѣ обѣда приходила обыкновенно въ дѣтскую съ работою, приносила лакомства и играла иногда съ нами въ лото, въ разныя путешествія и другія дѣтскія игры.

По вечерамъ генеральша принимала корпусныхъ дамъ. Бывали иногда и ихъ мужья, но строгія военныя правила того

¹⁾ Подаренный мнѣ въ 1893 году Александромъ Платоновичемъ Потоцкимъ.

времени не позволяли бывать у начальства и вообще у людей высших чиномъ, даже знакомыхъ, безъ особаго зова съ ихъ стороны.

Этотъ добрый директоръ вообще хорошо относился къ нашему выпуску. Не могу забыть, что онъ прослезился, прощаясь съ нами передъ нашимъ отъездомъ въ Петроградъ.

V.

Теперешніе кадеты едва ли могутъ имѣть правильное представление о томъ строгомъ военномъ и строевомъ формализмѣ, въ которомъ мы росли и воспитывались въ прежнихъ корпусахъ. У насъ были штатскіе учителя, но ихъ было немного и мы видѣли ихъ только во время уроковъ.

Въ ротахъ мы были окружены только военнымъ элементомъ и при томъ въ тѣхъ его формахъ, которыя давно уже отошли въ преданіе. Все вокругъ насъ было вымуштровано, выправлено. Даже вся корпусная прислуга, отъ каптенармуса до коридорнаго солдата, была военная, для чего при корпусѣ существовала служительская рота. Эта рота поставляла и буфетчиковъ, и поваровъ, и портныхъ, и полоторовъ, и всякаго человѣка, который могъ потребоваться въ корпусномъ хозяйствѣ, и не было такимъ образомъ уголка, гдѣ бы кадетъ могъдохнуть не военнымъ воздухомъ.

Это, разумѣется, отражалось и на нашихъ нравахъ. Мы, сами того не замѣчая, очень скоро становились военными формалистами и привыкали придавать большое значеніе различнымъ уставнымъ и строевымъ тонкостямъ.

Уже въ неранжированной ротѣ намъ больше нравился офицеръ хорошо подтянутый, самоуверенный, рѣшительно и громко командовавший, чѣмъ иной человѣкъ и серьезный, и добрый, но съ замѣтными для насъ недостатками въ строевомъ отношеніи.

Сами мы съ охотою занимались тогдашними учебными шагами, а въ старшихъ ротахъ прилежно упражнялись въ такихъ замысловатыхъ ружейныхъ приемахъ, какъ «подъ курокъ», «отъ дождя», «на погребенье», «къ осмотру ружей» и «заряжаніе на

двѣнадцать темповъ». Въ лагерѣ батальонныя ученія, походы и ожиданія тревоги поглощали всѣ наши интересы. Раза два, три въ теченіе лагеря намъ предоставлялись дни для чистки ружей; и надо было видѣть, съ какимъ рвеніемъ мы полировали теркою и наждакомъ наши тогдашніе ружейные стволы...

Не могу сказать, чтобы ко всему этому насъ съ какою-нибудь чрезвычайно ретивостью побуждало наше начальство. Нѣтъ, сама атмосфера, въ которой мы жили, вырабатывала въ насъ эти ультрастроевые инстинкты.

Было бы однако несправедливо говорить, что эта солдатская жилка заглушала въ насъ всякіе другіе интересы, свойственные дѣтскому и юношескому возрасту. Всѣ мы, почти поголовно, были дѣти южныхъ степныхъ помѣщиковъ, отставныхъ поручиковъ и штабсъ-капитановъ, во множествѣ выходившихъ тогда въ отставку, чтобы ховаяничать въ имѣніяхъ, за преклоннымъ возрастомъ или за смертью своихъ отцовъ. Это были люди небогатые, но наше дѣтство протекало въ полномъ матеріальномъ довольствѣ и въ заботливомъ, нѣжномъ материнскомъ уходѣ. За нами ходили преданныя старыя крѣпостныя няньки, иногда бывшія кормилицы нашихъ матерей, заботливо и любовно оберегавшія насъ и отъ дурного глаза, и отъ дурного слова, и отъ дурного примѣра.

Поступивъ въ корпусъ, мы какъ то отрѣзывались отъ дому; мы не ходили въ отпускъ ни по воскресеньямъ, ни по праздникамъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, и то изъ неранжированной роты, насъ отпускали въ отпускъ на лагерные мѣсяцы. Но мы не забывали тѣхъ уютныхъ, правѣтливыхъ угловъ, своихъ родныхъ угловъ, въ которыхъ протекало наше дѣтство. Теперь эта хуторская, патріархальная помѣщичья жизнь отошла въ преданіе, и я не преувеличу, когда скажу, что мы любили наше родное гнѣздо, нашу усадьбу, нашъ садъ, нашу деревню съ такою теплотою, какую едва ли могутъ чувствовать теперь дѣти, вскормленные и выросшія въ наемныхъ городскихъ квартирахъ.

Въ добрыя минуты у насъ часто заходили разговоры о нашемъ домашнемъ житѣ-бытѣ, и мы любили предаваться даже въ старшихъ классахъ этимъ деревенскимъ воспоминаніямъ.

Пріѣздъ родителей въ Полтаву по тому или другому случаю

и отпускъ къ нимъ въ воскресный день бывалъ обыкновенно самымъ лучшимъ, самымъ памятнымъ для насъ событіемъ, а ихъ отъѣздъ послѣ кратковременнаго пребыванія всегда вновь возбуждалъ въ насъ то тоскливое чувство оторванности, которое мы испытывали при поступленіи въ корпусъ.

Были у насъ и болѣе высокіе интересы. Я говорилъ уже, что намъ приходилось справляться съ учебнымъ дѣломъ безъ всякой виѣклассной помощи. Но тѣ, которые осиливали это дѣло, естественно приобрѣтали къ нему тотъ исключительный по своему значенію, здоровый интересъ, который зарождается у человѣка какъ результатъ упорнаго и самостоятельнаго труда. Такіе кадеты у насъ были, и не скажу, чтобы это были единичныя явленія. Заниматься по тому или другому предмету «по пространному», какъ у насъ говорилось въ Полтавѣ, то есть по книгамъ изъ корпусной библіотеки, рекомендованнымъ учителемъ, было дѣломъ, въ то время совсѣмъ не рѣдкимъ, и такихъ кадетъ бывало по нѣскольку человѣкъ въ каждомъ классномъ отдѣленіи и общихъ классовъ. Объ этомъ мнѣ придется еще говорить ниже.

Возвращаясь къ той военной атмосферѣ, въ которой мы росли въ корпусѣ, я, какъ свидѣтель стараго времени, долженъ сказать, что несмотря на приписываемое ей теперь антипедагогическое вліяніе, она имѣла и свои положительныя стороны.

На этой почвѣ въ насъ воспитывалась съ дѣтства товарищеская сплоченность, любовь къ родному корпусу, охота къ военной службѣ и уваженіе къ офицерскому званію.

Въ этомъ военномъ режимѣ вырабатывались также и положительные индивидуальныя свойства: исполнительность, чувство долга и, можетъ быть, та нѣсколько грубая прямота, которою отличались тогдашніе военные люди.

Не хочу идеализировать; бывали у насъ и грубые, враскоружные старые кадеты, не признававшіе въ своихъ товарищескихъ отношеніяхъ ничего, кромѣ силы своего кулака, и деспотически расправлявшіеся съ неугодившими на нихъ слабыми субъектами, они рано мирились съ перспективою линейнаго батальона и спокойно откладывали свои книжки въ сторону. Бывали у насъ товарищи и невысокаго нравственнаго уровня, но такіе субъекты

не были типичными представителями тогдашняго кадетскаго режима, какъ это думали въ послѣдствіи ученые педагоги. Это были единицы и, за мое время въ Полтавскомъ корпусѣ, единицы очень рѣдкія. Масса твердо воспитывалась въ тѣхъ нравственныхъ принципахъ, которые должны были сдѣлать каждого изъ насъ хорошимъ, полезнымъ офицеромъ.

Въ этомъ тогдашнемъ воспитаніи была та драгоценная черта, что оно слагалось всею нашею обстановкою и воспринималось нами съ полною вѣрою въ его непреложность. Мы были совершенно чужды того духа незрѣлаго и уродливаго критицизма, противъ котораго оказались безсильными позднѣйшіе воспитательныя приемы.

Что касается только нашего корпуса, то мнѣ приходится отмѣтить такія стороны въ нашихъ нравахъ, о которыхъ я и до сихъ поръ еще вспоминаю съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

Выше я сказалъ уже, что полтавскіе кадеты были въ мое время довольно покладисты. Это не пустое слово человѣка, предающагося очень давнимъ воспоминаніямъ. Въ мое время нашему начальству вовсе не приходилось бороться съ такими явленіями, противъ которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, въ большинствѣ другихъ корпусовъ велась самая ожесточенная борьба.

Такъ, въ мое время, въ нашемъ корпусѣ вовсе не было куренья. Я прошелъ четыре класса, у меня были товарищи гораздо старше меня, но ни въ одномъ классѣ я не видѣлъ ни малѣйшаго поползновенія закурить въ печной отдушникъ папиросу, или по тогдашнему трубку. Въ первый разъ я съ изумленіемъ и даже съ тревогой увидѣлъ, какъ кадеты украдкою курятъ въ трубу, выставивъ предварительно часовыхъ, только въ Дворянскомъ полку.

Не знаю и до сихъ поръ, чѣмъ объяснить такую странность. Конечно, заведеніе было еще не старое; когда я поступалъ въ корпусъ, ему не было еще и полныхъ девяти лѣтъ; въ него не успѣли еще проникнуть нравы и традиціи другихъ корпусовъ.

Въ большихъ закрытыхъ заведеніяхъ, гдѣ взрослые ученики, замкнутые въ четырехъ стѣнахъ, не видятъ ни людей, ни свѣта, и задыхаются въ затхлой школьной атмосферѣ, складываются иногда уродливыя товарищескія отношенія. Я имѣю въ виду

характерную для тогдашних кадетских нравов черту, которую можно назвать «культу мазочки». Не могу утверждать, что этого у насъ совсѣмъ не было, но нисколько не погрѣшу противъ правды, если скажу, что въ мое время такіе случаи наблюдались нами очень рѣдко и имѣли обыкновенно платоническій характеръ. Въ двухъ младшихъ ротахъ этого вовсе не знали.

Не помню я въ мое время въ нашемъ корпусѣ и какихъ-нибудь массовыхъ протестовъ или заперательствъ. Приписываю это тому успокоенію, которое было внесено въ среду кадетъ воспитательнымъ тактомъ нашего директора.

Припоминаю впрочемъ одинъ забавный случай. Какъ-то утромъ въ столовой, гдѣ всѣ мы ѣли утреннюю овсянку съ булкой, на одномъ изъ столовъ въ гренадерской ротѣ слышался довольно громкій разговоръ и стало замѣтно какое-то волненіе. Засуетился дежурный офицеръ, побѣжалъ куда-то какой-то солдатъ; черезъ минуту пришелъ Рубанъ, что-то негромко переговорилъ у шумѣвшаго стола, и все какъ-будто затихло. Насъ продержали однако въ столовой нѣсколько дольше. Все было тихо, и вдругъ входитъ, опираясь на свою палочку, директоръ. Всѣ мы быстро поднимаемся въ какомъ-то робкомъ ожиданіи; но онъ благодушно здоровается, останавливается посрединѣ на видномъ мѣстѣ и громко говоритъ:—«капитанъ Рубанъ, что тамъ у васъ случилось?» — Рубанъ чѣтко докладываетъ, что кадетъ такой-то не захотѣлъ ѣсть овсянки и сталъ подговаривать другихъ, чтобы не ѣли, потому что она дурно приготовлена.—«Но другіе ѣли?» — «Такъ точно, ѣли всѣ; я пробовалъ, овсянка вкусная...»

Директоръ громкимъ голосомъ зоветъ: — «такой-то, поди сюда!» — Выходитъ виновный, взрослый, коренастый кадетъ.— «Такъ тебѣ у насъ не нравится? Всѣ довольны, одному только тебѣ нельзя угодить! въ такомъ случаѣ тебѣ вѣдь не мѣсто тутъ въ корпусѣ... Но, я думаю,—продолжаетъ директоръ смягченнымъ голосомъ,— что ты это сдѣлалъ по глупости и теперь самъ раскаиваешься. Прикажете подать сюда тарелку овсянки.» — Буфетчикъ въ бѣлой курткѣ и колпакѣ, торопливо подходитъ съ тарелкою овсянки на подносѣ.— «Ѣшь!» — говорить

директоръ.—Кадетъ покорно беретъ ложку и начинаетъ ѣсть.— «Всю, всю тарелку. Вѣдь ты же не ѣлъ въ свое время...» И кадетъ доѣдаетъ до послѣдней ложки.

— «Вотъ видишь, ѣлъ бы ты въ свое время, безъ фанатеріи, и было бы и для тебя и для насъ много спокойнѣе... Ведите роты!» — скомандовалъ онъ своимъ спокойнымъ голосомъ, и инцидентъ былъ исчерпанъ.

VI.

Годы моего ученія въ Полтавскомъ корпусѣ совпали съ годами полного расцвѣта той стройной военно-воспитательной системы, которая сложилась въ кадетскихъ корпусахъ въ періодъ управленія ими великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Ко времени окончанія мною курса въ Дворянскомъ полку въ 1856 г. она уже значительно пошатнулась. Все, казалось, шло своимъ порядкомъ, но, пріѣхавъ на службу въ родной корпусъ репетиторомъ въ 1858 году, я нашелъ уже замѣтныя перемѣны и въ его режимѣ и въ его нравахъ. Тутъ видимо уже не было прежней вѣры въ непреложность военно-воспитательныхъ принциповъ и не было ея ни у кадетъ, ни у столь непреклоннаго прежде начальства.

Однако я думаю, что и въ годы моего ученія прозорливымъ людямъ можно было уже предаваться гаданіямъ о дальнѣйшемъ развитіи системы военно-учебныхъ заведеній.

Уже въ 1849 году, черезъ нѣсколько дней послѣ поступленія моего въ корпусъ, произошло событіе, знаменательное для этихъ заведеній по своей важности и по возможнымъ для нихъ послѣдствіямъ.

Припоминаю, точно это случилось вчера, какъ въ одно сентябрьское утро, вмѣсто классовъ, весь корпусъ собрали въ залѣ гренадерской роты, служившей сборной залой. Мы не знали, что случилось и напряженно ожидали разъясненія.

Среди общей тишины въ залу входитъ директоръ, съ какимъ-то необычайно серьезнымъ видомъ, а за нимъ всѣ чины корпуса.

— «Дѣти,—обратился онъ къ намъ,—насъ постигло великое

несчастье. Сегодня полученъ приказъ о кончинѣ нашего благодѣтеля, нашего отца, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, великаго князя Михаила Павловича. Выслушайте внимательно приказъ и благоговѣнно помолитесь объ упокоеніи души человѣка, такъ много о васъ заботившагося. Выходите адъютантъ Шейдеманъ и читаетъ:

П Р И К А З Ъ

Исправляющаго должность Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній.

Въ С.-Петербургѣ, сентября 2-го дня, 1849 г. № 1099.

Его Императорскаго Высочества, Отца нашего, Благодѣтеля военно-учебныхъ заведеній, не стало.

Его съ нами уже нѣтъ, но примѣръ Его съ нами.

Примѣромъ Своимъ Онъ, и за могилкою, не перестанетъ благотворить намъ.

Любите Бога,—*какъ Онъ*; служите Государю—*какъ Онъ*; будьте чисты сердцемъ—*какъ Онъ*; будьте преданы долгу—*какъ Онъ*; будьте справедливы и великодушны—*какъ Онъ*; будьте другомъ солдата—*какъ Онъ*.

Этимъ вы исполните всѣ заповѣди Божіи, всѣ ожиданія Великаго нашего Государя, всѣ надежды на васъ незабвеннаго, Августѣйшаго нашего Благодѣтеля.

Приказъ сей прочесть во всѣхъ ротахъ и эскадронахъ, съ молитвою о нашемъ упокоившемся Отцѣ. — Подписалъ: Исправляющій должность Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній, генералъ отъ инфантеріи Клингенбергъ. Съ подлиннымъ вѣрно: Начальникъ Штаба, генералъ-адъютантъ Ростовцовъ.

Этотъ приказъ, превосходно прочитанный Шейдеманомъ, произвелъ на всѣхъ насъ очень большое впечатлѣніе. Никто изъ насъ никогда не видалъ великаго князя, мы рѣдко даже о немъ слышали, но теперь передъ нами возсталъ величественная, монументальная фигура, одаренная великими душевными качествами. Мы поняли, что потеряли что-то очень для насъ благодѣтельное и важное... Я не могу забыть этого приказа и теперь, почти черезъ семьдесятъ лѣтъ.

Можно говорить, разумѣется, что онъ написанъ слишкомъ дѣланно, въ чрезмѣрно повышенномъ тонѣ, и что приказы такъ не пишутся. Но именно эти строки и производятъ такое впечатлѣ-

лѣніе потому, что онъ написанъ не въ шаблонномъ тонѣ приказа. Не трудно видѣть, что этотъ приказъ былъ написанъ человѣкомъ, глубоко преданнымъ покойному великому князю, хорошо знавшимъ ту среду, для которой онъ писалъ, и мастерски умѣвшимъ тронуть ее своимъ живымъ, умнымъ и сердечнымъ словомъ.

Этотъ человѣкъ былъ Іаковъ Ивановичъ Ростовцовъ.

Мѣсяца черезъ два намъ дано было еще разъ почувствовать, какую великую утрату понесли кадетскіе корпуса въ лицѣ почившаго главнаго ихъ начальника. 8 ноября, въ день архистратига Михаила, мы отслушали въ нашей корпусной церкви обѣдную и панихиду, потомъ насъ привели въ сборную залу, гдѣ состоялась церемонія, можетъ быть театральная для нашего времени, но удивительно хорошо соображенная съ общимъ духомъ тогдашняго воспитанія. Самъ директоръ вручилъ каждому изъ насъ запечатанный корпусной печатью пакетъ съ адресомъ: Кадету Петровскаго-Полтавскаго кадетскаго корпуса, имя, отчество и фамилія. Въ конвертъ была вложена, тогда еще никому неизвѣстная, впоследствии знаменитая рѣчь великаго князя: «Дѣти, отпуская васъ на службу, я обращаюсь къ вамъ не такъ, какъ вашъ начальникъ, а какъ вашъ отецъ, душевно васъ любящій...» Рѣчь была красиво переписана и отлитографирована, и каждый получилъ ее какъ бы посмертное завѣщаніе покойнаго великаго князя.

Къ началу будущаго учебнаго года въ корпусъ прибылъ чудесный бронзовый бюстъ незабвеннаго главнаго начальника, работы барона Клодта; на постаментѣ этого бюста была вырѣзана на мѣдной доскѣ полученная нами въ конвертахъ рѣчь.

Да, тогда умѣли запечатлѣвать въ нашихъ сердцахъ и въ нашихъ головахъ такія чувства и такія мысли, которыя могли способствовать нашему патріотическому и военному воспитанію.

VII.

Принципъ отдѣленія учебной части отъ воспитательной былъ соблюденъ въ мое время и въ расположеніи нашихъ помѣщеній. Классы находились совсѣмъ въ сторонѣ отъ ротъ и насъ во-

дили въ нихъ только на время уроковъ. Въ другіе часы они были для насъ недоступны и, слѣдовательно, большую часть нашего дня мы проводили въ нашихъ ротныхъ залахъ.

Когда вы входили по парадной лѣстницѣ въ длинный корридоръ 2-го этажа, то направо была гренадерская рота; прямо и налево 1-я мушкетерская; тутъ же налево, по другую сторону корридора, была, какъ и теперь, столовая зала.

Въ корридорѣ 3-го этажа, надъ гренадерской ротой была 2 мушкетерская рота. Все остальное пространство въ этомъ корридорѣ было занято учебными помѣщеніями и отдѣлено отъ 2 роты высокою деревянною рѣшеткою.

Тутъ были, какъ я уже сказалъ, комнаты для всѣхъ классовъ, кромѣ 1 приготовительнаго, физическій кабинетъ, рисовальный классъ, прекрасное помѣщеніе для библіотеки и музея, учительская комната, кабинетъ инспектора классовъ, классная канцелярія и складъ пособій, находившійся въ распоряженіи помощника инспектора классовъ.

Въ библіотекѣ хранились тогда такія сокровища нашего корпуса, какъ портретъ Петра Великаго работы Ларжибера и большая картина Полтавской битвы работы Шебуева. Это были Высочайшіе дары корпусу при его открытіи ¹⁾. Тутъ же хранился и ковчегъ съ документами, относящимися къ основанію корпуса и подписанными императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

Классы, по своему положенію въ верхнемъ этажѣ и по величинѣ своихъ оконъ, были свѣтлы и веселы. Тогда не имѣли еще понятія о гигиеническихъ классныхъ столахъ, и мы сидѣли за длинными столами для четырехъ человѣкъ, расположенными въ двѣ колонны съ проходомъ посерединѣ.

На видномъ мѣстѣ въ классѣ висѣла красная доска, на которую бѣлыми буквами записывались имена кадетъ, учившихся на двузачные баллы.

¹⁾ Картина Шебуева имѣетъ свою исторію: она принадлежитъ къ числу шести картинъ, заказанныхъ императоромъ Павломъ Академіи Художествъ для Михайловскаго дворца. Двѣ картины этой серіи находятся теперь въ музеѣ Имп. Александра III; онѣ писаны Угрюмовымъ; это—Взятіе Казани и Вѣнчаніе Михаила Феодоровича на царство. Были ли написаны три остальныя картины и гдѣ онѣ находятся, мнѣ неизвѣстно.

Наши рекреационныя залы были просторнѣе теперешнихъ, такъ какъ отъ нихъ ничего не было урѣзано для обращенія ихъ въ уединенные «возрасты», въ которыхъ должны были совмѣщаться и залы, и спальни, и классы.

Къ особенностямъ нашихъ рекреационныхъ помѣщеній я могу отнести только довольно большое количество столовъ, за которыми по вечерамъ мы готовили наши уроки въ группахъ по 8—6 человѣкъ.

Все остальное было какъ и теперь, исключая развѣ того, что никакихъ другихъ картинъ, кромѣ военныхъ и патріотическихъ, у насъ не было.

Замѣчу еще, что въ мое время парадная лѣстница корпуса открывалась только въ торжественныхъ случаяхъ или при посѣщеніяхъ высшаго начальства. Всѣ строевыя передвиженія кадетъ, въ столовую, въ классы, на прогулку, дѣлались по боковымъ лѣстницамъ.

Время нашего дня распредѣлялось не такъ, какъ теперь. Обѣдали мы въ часъ дня, и у насъ были и дообѣденные, и послѣобѣденные уроки.

Утромъ мы шли въ классы въ 8 часовъ и возвращались въ 11; послѣ обѣда уроки начинались въ 2 часа и кончались въ 5. И утромъ и вечеромъ было по два урока съ десятиминутными перемѣнами, такъ что каждый урокъ продолжался по часу и 25 минутъ.

Послѣ утреннихъ уроковъ до 12-ти шло строевое ученіе; вечеромъ, отъ 6 до 8 мы занимались приготовленіемъ уроковъ.

По вечерамъ наши залы и корридоры освѣщались масляными лампами. На столы, во время занятій, ставились салныя свѣчи со щипцами. Желаящіе могли покупать стеариновыя свѣчи. Вставали мы, какъ и теперь, въ 6 утра, ложились въ 9½. Утреннія и вечернія молитвы мы пѣли. Чтенія молитвъ не было. Пищевое наше довольствіе было не изысканно, но обильно, и было всегда хорошо приготовлено.

Утромъ въ семь часовъ всѣ роты шли въ столовую, гдѣ получали сбитень, овсянку или жидкую кашу манную, смоленскую или гречневую, съ булкой. Ни чаю, ни кофе мы тогда не знали.

Въ 11 часовъ, по возвращеніи изъ классовъ, насъ строили въ двѣ шеренги, и каптенармусъ проносилъ между нами корзину съ большими ломтями чернаго хлѣба. Такъ какъ каждому хотѣлось поймать горбушку, то корзину приходилось держать высоко, чтобы не было поползновенія на выборъ.

Въ часъ насъ вели къ обѣду. Меню обѣда было не разнообразно. На первое мы получали супъ, лѣндивые щи или борщъ; на второе рубленые котлеты, жареное мясо или вареное мясо; на третье—пирогъ съ гречневой кашей, съ рисомъ или съ говядиной. И это такъ въ теченіе всего учебнаго года. Интересныя для насъ перемены состояли въ замѣнѣ пирога крутою гречневой кашей съ кускомъ масла и въ замѣнѣ рубленой котлетки двумя сосисками съ бобовымъ пюре или чечевичнымъ соусомъ. Въ воскресенье обѣдъ бывалъ нѣсколько тоньше: давали вкусный борщъ, къ котлетамъ или говядинѣ прибавлялось картофельное пюре; на третье давались слоеные пироги съ яблоками или съ вареньемъ. Въ сезонное время намъ много давали пшенички, арбузовъ и фруктовъ. Обѣдомъ нашимъ, именно потому что онъ былъ сытенъ и хорошо приготовленъ, мы были всегда довольны.

Къ ужину въ половинѣ 9-го мы шли обыкновенно голодные, но и ужинъ былъ сытный: два блюда—какой-нибудь мясной соусъ или кусокъ мяса съ вкусной подливкой и на второе—жидкая каша, гречневая, пшенная, манная и т. п.

Въ лагерѣ мы ѣли деревянными ложками, по четыре челѣвка изъ одной деревянной чашки и рѣзали наше мясо на деревянныхъ кружкахъ.

Когда я былъ еще новичкомъ, наши путешествія въ столовую и обратно сопровождались иногда и трогательными и забавными сценами. Съ первыхъ же дней насъ заботливо начинали учить ходить въ ногу, а дѣло было собственно нетрудное; построившись къ столу, мы четкимъ шагомъ выходили изъ залы на площадку и поворачивали въ церковный корридоръ. Но вотъ доходимъ мы до церковной двери, сквозь чистыя большія стекла видны образа, и мы начинаемъ набожно креститься, крѣпко упирая пальцы въ лобъ и мысленно творя молитву. Тутъ уже разумѣется не до размыреннаго шага, вся стройность идетъ на

смарку, унтеръ-офицеры начинаютъ суетиться, подсчитывать, перекликать сбившихся съ ноги... Вѣдь нельзя же выйти въ такомъ безпорядкѣ въ большой корридоръ, гдѣ слышится уже молодецкая, четкая маршировка другихъ ротъ; чего добраго наткнешься еще прямо на батальоннаго командира или на директора... Но дѣло понемногу улаживается, и мы тоже довольно стройно дефилируемъ изъ церковнаго корридора.

Мы поступали тогда въ корпусъ набожными дѣтьми. Съ годами наше стадное воспитаніе понемногу дѣлало свое разрушающее дѣло, но у насъ въ то время не было еще повального духа невѣрія, и многіе изъ насъ оканчивали корпусъ, сохранивъ въ себѣ ту теплоту вѣры, которую они принесли съ собою изъ подъ материнскаго крыла.

Наши воскресные и праздничные дни проходили не такъ, какъ теперь. Мы не ходили въ отпускъ. Въ субботу всѣ мы стояли у всенощной; въ воскресенье въ полномъ составѣ мы присутствовали у обѣдни. Теперь въ моемъ воспоминаніи эти церковныя службы представляются мнѣ очень благолѣпными, и я думаю это дѣйствительно такъ и было. Нашъ законоучитель, отецъ Иванъ Сіяльскій, человѣкъ еще не очень старый, съ длинною русою бородою и съ видомъ библейскаго патріарха, служилъ съ какимъ-то проникновеннымъ настроеніемъ. Не могу забыть его евангелій на всенощной; они дѣйствительно приносили съ собою радость Воскресенія; не могу забыть его высокотожественнаго возгласа звучнымъ теноромъ:—«Слава Тебѣ, показавшему намъ Свѣтъ»...

И это было одинаково торжественно и трогательно и въ темный зимній вечеръ, при слабомъ освѣщеніи алтаря и въ свѣтлыя весеннія сумерки, когда умирающій день бросалъ послѣдніе свои лучи на величественный иконостасъ.

Отецъ Сіяльскій рано умеръ; замѣнившій его законоучитель, фанатическій и сухой, не умѣлъ поддерживать въ кадетахъ набожнаго настроенія; они его не любили и боялись.

Въ теплые лѣтніе дни послѣ обѣдни насъ выводили гулять въ большой круглый садъ, гдѣ для каждой роты была отведена своя четверть круга, и мы оставались тамъ до вечера, возвращаясь въ зданіе только на время обѣда. Это были веселые дни;

тутъ и походишь, и побѣгаешь, и считаешь книжку въ тѣни подъ деревомъ, и встрѣтишься съ товарищемъ изъ другой роты...

Но въ зимніе ненастные дни, когда нельзя было вывести даже на короткую прогулку, праздничный день бывалъ не веселымъ днемъ для тѣхъ, кто не умѣлъ заняться какимъ-нибудь «своимъ» дѣломъ. Это было собственно то же, что и теперь, но только въ увеличенномъ размѣрѣ. Въ маленькихъ ротахъ отъ скуки завязывалась бѣготня, кончавшаяся дракою, и подъ лампою, посреди залы, составлялась цѣлая шеренга поставленныхъ на штрафъ.

Для любителей книжки или какого-нибудь занятія въ родѣ черченія географическихъ картъ, къ которому пристращалъ насъ Туржанскій, или рисованія, такіе дни были днями пріятнаго отдыха.

Наши ротныя библіотеки были въ то время небогаты. Тогда, можетъ быть не совсѣмъ сознательно, придерживались здравого принципа «многое въ маломъ», въ противоположность теперешнему переполненію ученическихъ библіотекъ безчисленнымъ количествомъ книжекъ, совершенно ненужныхъ, такъ какъ въ сущности онѣ повторяютъ все одну и ту же пѣсню на одинъ и тотъ же ладъ...

Главное мѣсто въ нашихъ ротныхъ библіотекахъ занималъ «Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній»¹⁾. Объ этомъ журналѣ говорилось много; замѣчу лишь, что онъ былъ дѣйствительно очень хорошъ только до начала 50-хъ годовъ; потомъ онъ началъ видимо падать. Былъ у насъ только-что начавшій тогда издаваться журналъ для дѣтей Чистякова и Разина, была Звѣздочка Ишимовой, было Живописное Обзорѣніе Августа Семена, интересовавшіе насъ и своими иллюстраціями и многими занимательными статьями.

Помню я въ нашихъ библіотекахъ такіе книги, какъ Исторія Суворова, Н. Полевого, какъ книжки Фурмана съ біографіями Суворова, Потемкина, Меньшикова, Ломоносова. Были два большія изданія съ хорошими гравюрами на стали; одно изъ

¹⁾ См. *И. С. Симоновъ*. Изъ исторіи журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній (по архивнымъ матеріаламъ). „Педагогич. Сборникъ“, № 11 и 12 1918 г.

нихъ называлось «Русскіе полководцы», другое «Пантеонъ великихъ людей». Помню Робинзона Крузе въ полномъ переводѣ, кажется, Корсакова, съ чудесными картинками Гранвиля, помню «Воспоминанія Слѣпого», Жака Араго, интересную книжку Данилевскаго и Оссовскаго «Есть ли гдѣ конепъ свѣту» и особенно помню маленькую книжку безъ имени автора «Совѣты врага и друга воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній». Я искалъ потомъ эту книжку у букинистовъ, но нигдѣ не нашель; ея давно уже нѣтъ въ продажѣ.

Были въ старшихъ ротахъ Смирдинскія изданія нѣкоторыхъ русскихъ авторовъ, было вѣроятно кое-что, и можетъ быть даже многое другое, но теперь мнѣ это не приходитъ на память.

Нѣкоторые изъ насъ, по указанію учителей, пользовались правомъ получать книги изъ корпусной библіотеки, но это были по большей части книги, относящіяся къ нашему учебному курсу: Исторія Карамзина, только что вышедшіе тогда первые пять томовъ исторіи Соловьева, два или три историческіе романа Вальтеръ-Скотта, въ переводѣ де-Шаплета, книги по физикѣ, по математикѣ и пр. Пушкина и Гоголя намъ прекрасно читалъ въ классѣ нашъ учитель, Леонардъ Осиповичъ Корженевскій.

Своихъ кайгъ мы не могли имѣть, какъ не могли имѣть и ничего своего, но случайно намъ попадались, не знаю уже какими путями, и постороннія книги. Мы запоемъ читали ихъ втихомолку, и это не было для насъ вредно, такъ какъ въ то время наша литература не грѣшила еще чрезмѣрными потугами на новое слово.

Санитарное наше состояніе было недурное; больныхъ въ лазаретѣ бывало обыкновенно немного; за четыре года я помню только корь и свинку. Никакихъ заразныхъ лазаретовъ тогда не знали, а просто отдѣляли заразныхъ больныхъ въ особыя комнаты по другую сторону коридора.

Старшимъ врачомъ былъ у насъ Исаевъ, человѣкъ образованный и, кажется, опытный врачъ, но сухой, ѣдкій и очень строгій къ фельдшерамъ. Младшіе врачи Ананьевъ и Бородинъ были добрые, обходительные люди; кадеты ихъ любили.

Въ первые мои три года наше лагерное мѣсто лежало внизу, подъ Яковцами, почти у самой Ворсклы. Это вело къ тому, что

нѣкоторые изъ насъ по возвращеніи изъ лагеря начинали страдать перемежающимися лихорадками. Въ 1852 году лагерь былъ перенесенъ наверхъ, гдѣ онъ находится и теперь; путь на купанье сталъ и длиннѣе и труднѣе, но лихорадки прекратились.

VIII.

Учебная часть находилась въ безраздѣльномъ вѣдѣніи инспектора классовъ полковника Федора Григорьевича Ницкевича. Это былъ высокій, очень худой человѣкъ съ длинными усами и странно развороченными ногами, какъ будто онъ все время пытался держать ихъ въ первой позиціи. Характера онъ былъ суроваго; никто изъ кадетъ никогда не видѣлъ его улыбки; голосъ у него былъ глухой и грубый.

Намъ, кадетамъ, не было, конечно, извѣстно, какъ онъ управлялъ учебной частью и какъ онъ обходился съ учителями. Но повидимому учителя не чувствовали его гнета; они были въ мое время довольно самостоятельны въ своемъ преподаваніи.

Собственно и съ кадетами, на моей памяти, онъ былъ только сухъ и совершенно безучастенъ; но рассказывали, что въ старое время онъ широко пользовался правомъ налагать взысканія въ теченіе класснаго времени. Случалось, что онъ входилъ въ классъ, а за нимъ служитель несъ скамейку и шелъ дежурный барабанщикъ съ пучкомъ розогъ. Вызывался, безъ дальнихъ разговоровъ, какой-нибудь грубіянь или лѣвѣйшій и тутъ же передъ классомъ и передъ учителемъ наказывался розгами. При мнѣ ничего уже этого не было.

Хотя между учебной и воспитательной частью не было никакой органической связи, однако ротные командиры слѣдили за нашими успѣхами или вѣрнѣе за цифрами нашихъ отмѣтокъ и дѣлалось это такъ:

Въ каждой ротѣ подъ замкомъ у фельдфебеля хранилась огромная книга въ родѣ альбома, крѣпко переплетенная въ кожу со спискомъ кадетъ по классамъ, со столбцами для ежедневныхъ балловъ и съ полями для отмѣтокъ ротнаго командира.

Ежедневно послѣ утреннихъ классовъ одинъ изъ начальствующихъ кадетъ, по большей части всегда одинъ и тотъ же, бралъ

эту книгу и возвращался наверхъ въ классную канцелярію. Всѣ четыре унтеръ-офицера усаживались за длиннымъ столомъ, и помощникъ инспектора классовъ, или классный писарь Черепнинъ, диктовали имъ баллы, полученные кадетами вчера на вечернихъ урокахъ и сегодня на утреннихъ. Дѣло требовало вниманія, такъ какъ ошибка могла повести къ печальнымъ недоразумѣніямъ.

Книга возвращалась въ роту приблизительно къ 12 часамъ, и ротный командиръ садился тутъ же писать свои резолюціи. Онѣ были довольно формальнаго свойства: особенная благодарность, благодарность, безъ блюда, на одинъ супъ, стоять за столомъ, къ барабанщику и (въ неранжированной ротѣ, довольно рѣдко) розги.

Когда рота выстраивалась къ обѣду, фельдфебель бралъ этотъ журналъ и торжественно читалъ баллы и резолюціи.

Всѣ слушали съ понятнымъ волненіемъ, кромѣ, впрочемъ, тѣхъ, которымъ были прописаны розги, такъ какъ Владиміръ Васильевичъ Нарѣжный, принявшій роту послѣ Дудышкина, имѣлъ обыкновеніе приводить въ исполненіе эту экзекуцію передъ обѣдомъ въ пейхгаузѣ до чтенія балловъ.

Я сказалъ уже, что положеніе мое въ I общемъ классѣ было на первыхъ порахъ не очень завидное. Но я скоро вошелъ въ общій тонъ бывалыхъ кадетъ.

Были у насъ въ классѣ очень хорошіе мальчики, способные, добродушные, рѣзвые, но были и интересные субъекты, своего рода пережитокъ жестокихъ нравовъ, царившихъ въ первые годы нашего корпуса. Они видимо не надѣялись и не хотѣли идти дальше этого I общаго класса, они дѣйствительно и вышли изъ него въ концѣ года, но за этотъ годъ они показывали намъ такія штуки, о которыхъ мы раньше не имѣли понятія, и которыя потомъ надолго прекратились въ корпусѣ. По крайней мѣрѣ за мое время я не видѣлъ больше въ моихъ классахъ такихъ уродливо напускныхъ нравовъ.

Былъ у насъ, на примѣръ, кадетъ, лѣтъ 14-ти, а можетъ быть и старше, который, получивъ литографированныя записки, выдававшіяся тогда во множествѣ по разнымъ предметамъ, сложилъ ихъ аккуратно, разрѣзалъ ихъ по какой-то мѣркѣ, принесъ въ

классъ сапожную дратву и шило и, пользуясь то перемѣнами, то пустыми уроками, а то добротой нѣкоторыхъ учителей, спилъ изъ нихъ отличный плотный чемоданчикъ, аккуратно закрывавшійся крышкой. Этотъ чемоданчикъ онъ уносилъ съ собою въ роту послѣ утреннихъ уроковъ, а возвращаясь въ классъ послѣ обѣда приносилъ въ немъ порядочные куски чернаго хлѣба, иногда пирога, а случалось, что и котлетку, сосиску или кусокъ жаренаго мяса. Все это осторожно, но аппетитно пережевывалось на вечернихъ урокахъ. Бывало, когда его вызываетъ учитель, что случалось впрочемъ не часто, ему надо было сначала дожевать и проглотить находящуюся во рту провизію и потомъ онъ уже говорилъ, что не приготовилъ сегодня урока.

Я смотрѣлъ на него съ изумленіемъ; кадеты объясняли мнѣ, что это настоящій «старый кадетъ», какихъ теперь уже немного, и что я еще этого понять не могу. Сами они однако смотрѣли на него безъ большого уваженія и боялись только его кулака. Помню, что меня заняла его очевидно умѣлая работа дратвою и шиломъ, и что мнѣ захотѣлось даже имѣть «настоящее шило», чтобы смастерить и себѣ такую аккуратную коробку.

Съ уваженіемъ и благодарностью вспоминаю я о многихъ изъ моихъ бывшихъ учителей.

Теперешніе наши знатоки школьнаго дѣла замѣтятъ мнѣ, пожалуй, что въ то время дѣло преподаванія учебныхъ предметовъ не могло стоять высоко, такъ какъ учителя не имѣли никакой педагогической подготовки.

Я далекъ отъ того, чтобы отрицать значеніе этой педагогической подготовки; однако, основываясь на собственномъ моемъ многолѣтнемъ и близкомъ наблюденіи, я не могу видѣть въ этой подготовкѣ какой-то панацеи, неизмѣнно обеспечивающей намъ успѣшность нашего преподаванія.

Мои бывшіе учителя не были педагогами. Самое слово «педагогика» не было еще въ ходу даже при обсужденіи специальныхъ школьных вопросовъ. Но люди тогдашняго университетскаго образованія горѣли любовью къ преподаваемымъ ими знаніямъ и весь центръ тяжести своей работы сосредоточивали на привитіи охоты и уваженія къ этимъ знаніямъ и у своихъ учениковъ.

Съ педагогикой мы познакомились позднѣе, мы нашли ее у нѣмецкихъ школьныхъ мастеровъ и стали вдругъ болѣе ретивыми педагогами, чѣмъ Диттесъ, Дистервегъ и другіе, у которыхъ мы все это заимствовали. Это былъ, конечно, шагъ впередъ; но наши педагогическія увлеченія много умалили значеніе этого шага.

Прежній учитель не всегда умѣлъ, можетъ быть, облегчить работу для слабыхъ, но онъ обыкновенно увлекалъ за собою болѣе сильныхъ; они усваивали основныя положенія его предмета во всей ихъ научной чистотѣ и строгости.

Новый учитель оказался болѣе умѣлымъ въ общей работѣ съ цѣлымъ классомъ, но весь центръ тяжести своего вниманія онъ перенесъ на *способы преподаванія*, а учебный предметъ обратился у него просто въ матеріалъ, который ему надо было располагать соотвѣтственно съ правилами методики.

Онъ заботится о повышеніи средняго уровня класса, но методическія увлеченія ведутъ къ тому, что онъ и самъ нерѣдко обращается въ средняго учителя, владѣющаго предметомъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онъ намѣченъ въ школьной программѣ.

Я набрасываю эти мысли можетъ быть нѣсколько рѣзкими чертами; бываютъ исключенія и въ ту и въ другую сторону, но думаю, что въ общемъ я не искажаю дѣйствительнаго положенія дѣла.

IX.

Понимаю, что многія дорогія для меня воспоминанія не могутъ имѣть интереса для теперешнихъ читателей, а потому и въ воспоминаніяхъ о моихъ учителяхъ постараюсь ограничиться только такими чертами, которыя могутъ дать представленіе о положеніи учебнаго дѣла въ мое время.

Учителемъ русскаго языка въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ пребыванія моего въ корпусѣ былъ у меня Леонардъ Осиповичъ Корженевскій. Онъ былъ весь погруженъ въ романтическія мечтанія того времени. Онъ былъ небольшого роста, съ небольшою лысиной, въ очкахъ, и былъ сангвиническаго темперамента; легко возбуждался, краснѣлъ, но былъ очень отходчивъ и добръ

до слабости; дурныхъ балловъ не ставилъ, и я удивляюсь, какъ это ему тогда сходило съ рукъ. Грамматикою онъ насъ не мучилъ; на урокахъ объяснительнаго чтенія не тратилъ скучныхъ словъ на объясненія, что такое буря и почему она крутитъ снѣжные вихри, но всѣ силы своего умѣнья употреблялъ на то, чтобы дать намъ почувствовать художественную сторону произведенія. Читалъ онъ съ нѣсколько преувеличеннымъ подъемомъ.

Мнѣ тогда еще пришлось услышать отзывъ о Леонардѣ Осиповичѣ изъ очень компетентнаго источника. Къ переходу моему въ IV общій классъ былъ введенъ новый предметъ «Словесность». Учебника не было, и Корженевскій сталъ составлять записки. На повѣрочномъ экзаменѣ въ Дворянскомъ полку мнѣ пришлось отвѣчать довольно содержательный билетъ изъ словесности. По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, одинъ изъ экзаменаторовъ, видимо, приходилъ въ волненіе и не далъ мнѣ даже кончить:—«Скажите, молодой человѣкъ, по какимъ руководствамъ вы это проходили?»—Узнавъ, что я ничего не читалъ, кромѣ записокъ Корженевского, онъ обратился къ своему ассистенту со словами, точнаго смысла которыхъ я теперь передать не сумѣю, но въ которыхъ была большая похвала Корженевскому, какъ одному изъ выдающихся учителей.

Этотъ экзаменаторъ былъ Иринархъ Ивановичъ Введенскій.

Спустя немного времени Леонардъ Осиповичъ занялъ мѣсто инспектора классовъ въ Полтавскомъ женскомъ институтѣ.

Иностранные языки были у насъ поставлены плохо. Причиной тому было, съ одной стороны, совершенное незнаніе иностранныхъ языковъ и совершенное равнодушіе къ нимъ въ средѣ окружающихъ насъ военныхъ чиновъ; съ другой,—твердое убѣжденіе у учителей, что сколько бы они ни работали, они все равно не достигнутъ никакихъ успѣховъ.

Учителями французскаго языка въ мое время были Таксисъ и Соссе; были уроки французскаго языка и у помощника инспектора В. А. Скалона; по своему образованію онъ, какъ и Дудышкинъ, составлялъ исключеніе между другими военными чинами. Нѣмецкому языку обучали Дейкъ и Риккеръ.

Всѣ эти учителя, кромѣ Скалона, охотно ставили единицы и всякіе другіе дурные баллы, но этими средствами дѣло мало

подвигалось. Помню, что за всѣ четыре года, по французскому языку, мы дѣлали устные переводы по книгѣ Гуро «Ключъ къ изученію французскаго языка», выписывали и заучивали слова къ этимъ переводамъ, но случалось какъ-то такъ, что мы сразу послѣ урока забывали и слова и переводы. Ни одинъ изъ насъ даже въ послѣднемъ классѣ не умѣлъ прочесть правильно ни одной французской фразы. Не лучше обстояло дѣло и по нѣмецкому языку. За четыре года я довольно обстоятельно забылъ то, что приобрѣлъ по языкамъ въ пансіонѣ.

Таксиса и Дейка кадеты не любили. Дейка боялись и называли «гіеной», за его торчащій гребень волосъ на темени и блѣдно сѣрые глаза. Надъ Таксисомъ просто смѣялись и продолжали съ нимъ разные шутки.

Въ первый годъ своего директорства Врангель задумалъ-было составить изъ новичковъ, говорящихъ на иностранныхъ языкахъ, особую группу. Ихъ сажали въ столовой на первый столъ и требовали, чтобы во время стола они не говорили по-русски. Но это ни къ чему не привело даже и при Дудышкинѣ. Къ концу года это совсѣмъ разстроилось.

Я говорилъ уже о Дудышкинѣ, какъ объ учителѣ математики. Было еще два выдающихся учителя этого предмета: Григорій Васильевичъ Котельниковъ и Василій Филипповичъ Барсовъ. Первый преподавалъ также и физику, второй топографію.

Григорій Васильевичъ, несмотря на свой штатскій обликъ, былъ крупною величиною въ Полтавскомъ корпусѣ не только въ мое время, но и многіе годы спустя послѣ меня. Характера смѣлаго, съ бойкимъ, умнымъ, иногда злымъ словомъ, онъ умѣлъ imponировать и кадетамъ и всякому человѣку недомысливающему въ своемъ дѣлѣ. Но человѣкъ онъ былъ хорошій, справедливый, съ порывами настоящаго благородства. Разсказывали, что онъ и Сіяльскій открыто возставали при прежнемъ директорѣ противъ жестокаго обращенія съ кадетами.

Учителемъ онъ былъ образцовымъ. Въ его ясномъ, точномъ изложеніи, въ его всегда удачныхъ физическихъ опытахъ чувствовалось солидное физико-математическое образованіе.

Къ кадетамъ онъ былъ требователенъ не только со стороны ихъ учебной работы, но и со стороны ихъ поведенія въ классѣ.

Замѣчанія его бывали иногда ѣдки, но никогда не ставилъ онъ балла и не дѣлалъ официальной оцѣнки сгоряча, по первому впечатлѣнію.

У бывшихъ его учениковъ много сохранилось въ памяти его острыхъ или вѣрнѣе ѣдкихъ замѣчаній. Сидитъ, на примѣръ, кадетъ, задумался, положилъ локоть на столъ и тихонько барабанить себя пальцами по головѣ. Ходитъ по классу Котельниковъ, нѣсколько разъ оглядывается на кадета и наконецъ останавливается передъ нимъ. — «А я то, сударь мой, прислушиваюсь, откуда это звонъ по классу. Нельзя, мой милый, на урокъ барабанить себя пальцами по мѣдному лбу...»

Барсовъ былъ кадетомъ перваго выпуска изъ нашего корпуса. Учителемъ онъ пріѣхалъ въ годъ моего поступленія въ корпусъ, въ чинѣ поручика. Онъ былъ уже женатъ и выглядѣлъ солиднымъ человѣкомъ. Я учился у него тригонометріи, алгебрѣ и топографіи и ходилъ съ нимъ на съемку въ двухъ старшихъ классахъ. Это былъ человѣкъ съ горячей душой и всѣмъ сердцемъ преданный своему дѣлу. Его негодованіе противъ лѣнтыевъ было искренно и никого не обижало; всѣ мы очень его любили, какъ учителя безусловно справедливаго. Съ хорошими учениками онъ обращался почти какъ съ товарищами и всѣми мѣрами поощрялъ ихъ къ работѣ. Помню, что, выписавъ для себя какой-то огромный французскій трудъ, по геодезіи, онъ далъ мнѣ перевести заключающійся въ ней небольшой курсъ плоской тригонометріи и съ братскимъ участіемъ слѣдилъ за моею работою. Для меня это было очень полезно, такъ какъ въ то время мы учили тригонометрію по первому учебнику Симашко, въ которомъ тригонометрическія величины рассматривались, какъ отвлеченныя, безъ всякаго ихъ отношенія къ дугамъ круга.

Съ теплымъ чувствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ невольною улыбкою вспоминаю я моего учителя исторіи Дмитрія Павловича Пильчикова. Всѣ мы, безъ всякаго сомнѣнія, были много обязаны ему основами нашего образованія. Онъ превосходно владѣлъ словомъ и въ тонѣ его голоса была какая-то мягкость и вдумчивость.

Рассказывая о томъ или другомъ событіи, онъ не упускалъ случая указывать намъ, гдѣ мы можемъ найти доступные для

насъ источники для болѣе близкаго знакомства съ эпохой. Помню, какъ, рассказавъ намъ о Самозванцѣ, онъ упомянулъ, что два великихъ поэта изобразили это загадочное лицо съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: Пушкинъ и Шиллеръ. Нѣмецкій поэтъ не былъ еще тогда переведенъ на русскій языкъ, но Пушкина мы сейчасъ же попросили изъ корпусной библіотеки и, можетъ быть, не съ большимъ разумѣніемъ, но съ большимъ интересомъ читали Бориса Годунова. По его же указаніямъ читали мы первые томы Соловьева и такіе романы, какъ Айвенго, Квентинъ Дорвардъ, Басурманъ и др. Для тогдашней постановки учебнаго дѣла это было явленіе не заурядное.

Но у Дмитрія Павловича была неудобная для учителя слабость: онъ былъ очень разсѣянъ и небреженъ къ своей внѣшности. Худой, довольно высокаго роста, съ пріятными чертами рябоватаго лица, онъ обращалъ на себя вниманіе небрежностью своего костюма и не всегда тщательно выбритою бородою. Вызвавъ кадета къ отвѣту, онъ начиналъ ходить по классу и видимо впадалъ въ мечтательность. Ему можно было говорить что угодно, онъ ничего не слышалъ. Никогда кадеты не дѣлали ему никакихъ штукъ, но этою слабостью пользовались. Иной проказникъ, вмѣсто урока, монотонно бормочетъ ему всякую ерунду, а Дмитрій Павловичъ ходитъ по классу и мечтательно говоритъ: — «Хорошо, молодой человѣкъ, продолжайте»...

Бывали однако и совершенно неожиданные случаи. Слушая такое бормотанье, Дмитрій Павловичъ вдругъ какъ будто просыпается, сажаетъ кадета, садится на кафедру, беретъ журналъ и рѣшительно говоритъ: — «Сегодня, молодой человѣкъ, я долженъ поставить вамъ единицу»... «За что же, Дмитрій Павловичъ?»

— «За вашъ отвѣтъ; въ немъ было очень мало историческаго... Вы, должно быть, думали, что я не слушаю, иначе мнѣ трудно объяснить, зачѣмъ вы рассказывали мнѣ, что у васъ будетъ сегодня за обѣдомъ... Согласитесь, что это уже не исторія»... и въ журналѣ фигурируетъ крупная единица.

Я уже говорилъ о Туржанскомъ, у котораго мы учились географіи и ситуационному черченію. Это былъ штабсъ-капитанъ, съ очень черными усами и бакенбардами; онъ хорошо къ намъ

относился и, сколько я теперь припоминаю, былъ человѣкъ недурно образованный. Мы дѣлали у него большіе успѣхи въ черченіи картъ и плановъ.

Въ мое время только-что было введено въ курсъ корпуса естествознаніе, и были присланы превосходные учебники. Ботаника была написана В. Далемъ; зоологія, вмѣстѣ съ краткими свѣдѣніями по анатоміи и физиологіи человѣка,—Постельсомъ, Далемъ и Сапожниковымъ. Къ курсу зоологіи былъ приложенъ большой гравированный атласъ съ художественными изображеніями животныхъ. Не знаю, самъ ли Сапожниковъ работалъ надъ нимъ или кто другой подъ его руководствомъ, но этотъ атласъ даже и теперь былъ бы выдающимся явленіемъ въ нашей учебной литературѣ.

Учителемъ естествознанія былъ приглашенъ Варжанскій (Викторъ Родіоновичъ), человѣкъ европейскаго образованія, спокойный и уравновѣшенный. Съ кадетами онъ держалъ себя джентльменомъ.

Не могу обойти молчаніемъ Ивана Кондратьевича Зайцева, нашего учителя рисованія. Мы всѣ очень любили этого серьезнаго и даровитаго человѣка. Онъ толково объяснялъ намъ правила перспективы и рисунка по учебнику Сапожникова. Я лично чувствую, что обязанъ ему зачатками моего художественнаго образованія.

Были у насъ учителя и изъ строевого состава нашихъ офицеровъ. Капитанъ Рубанъ преподавалъ древнюю исторію, капитанъ Нарѣжный геометрію. Оба они получали уроки потому, что кончили курсъ въ кадетскомъ корпусѣ.

Капитанъ Рубанъ ни по характеру, ни по образованію не могъ быть вообще очень серьезнымъ учителемъ; древнюю же исторію онъ могъ знать развѣ только по тогдашнему Беккеру.

Нарѣжный былъ хорошимъ, твердымъ учителемъ геометріи. Учебника тогда не было никакого, но онъ очень отчетливо чертилъ и писалъ формулы на доскѣ и требовалъ, чтобы мы все это аккуратно писали за нимъ въ классныхъ тетрадяхъ, а потомъ тщательно переписывали набѣло въ свободное время. Составлялся такимъ образомъ конспектъ, или, какъ мы тогда

называли, «порядокъ», работая надъ которымъ всѣ мы твердо усваивали себѣ этотъ предметъ.

Въ такихъ учебныхъ и воспитательныхъ условіяхъ прошелъ я благополучно всѣ четыре общіе класса.

На второй годъ пребыванія моего въ корпусѣ я былъ переведенъ во вторую мушкетерскую роту. Отсюда, на третій годъ, я вернулся въ неранжированную роту ефрейтеромъ, былъ скоро произведенъ въ унтеръ-офицеры и на четвертый годъ остался тутъ же въ неранжированной ротѣ фельдфебелемъ.

Ротнымъ командиромъ въ эти послѣдніе два года былъ у меня Владиміръ Васильевичъ Нарѣжный.

Я обязанъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ, хотя охотно промолчалъ бы о немъ, такъ какъ у меня и до сихъ поръ еще не сложилось о немъ очень опредѣленнаго впечатлѣнія.

Все въ этомъ человѣкѣ дышало дѣланностью и искусственностью. Ничего онъ не дѣлалъ, не говорилъ и даже, вѣроятно, не думалъ просто. Одѣвался онъ всегда щеголевато, всегда съ подвитымъ по тогдашнему хохолкомъ и съ гладко причесанными впередъ височками, но наружность его, съ очень юркими глазами, была непріятна. Онъ былъ заботливый и внимательный ротный командиръ, но кадеты его не любили, и какъ-то не то что боялись, а опасались. Въ словахъ его одобренія не видно было открытой души, а въ его порицаніи всегда слышалась обидная жесткость и грубость. Онъ не часто прибѣгалъ къ розгамъ, но въ душѣ онъ былъ человѣкъ жестокой.

Я говорю все это, провѣряя теперь мои тогдашнія впечатлѣнія, но лично я не видѣлъ отъ него ничего дурного. Онъ обращался со мною ласково и какъ-то бережно, и я приписываю это тому, что отецъ мой оказалъ ему много вниманія, когда онъ сталъ моимъ ротнымъ командиромъ. Узнавъ, что Нарѣжный сынъ автора «Бурсака», отецъ мой сдѣлалъ ему визитъ и много толковалъ съ нимъ и объ его отцѣ, и о прежнемъ корпусномъ воспитаніи, и о теперешнихъ корпусныхъ порядкахъ; можетъ быть на Нарѣжнаго имѣло вліяніе и то, что я бывалъ иногда у директора. Было даже два-три случая, когда онъ проявилъ ко мнѣ истинное участіе, посѣщая меня въ лазаретѣ, отпуская

меня въ отпускъ даже въ будніе дни, когда родители мои прїѣзжали въ Полтаву, и т. п.

Прослуживъ лѣтъ десять ротнымъ командиромъ, Нарѣжный перешелъ въ армію штабъ-офицеромъ. Говорили, что это случилось не безъ давленія со стороны начальства.

Съ хорошимъ чувствомъ вспоминаю я о двухъ семьяхъ корпусныхъ офицеровъ, бравшихъ меня иногда въ отпускъ по воскреснымъ днямъ.

Корпусный полицмейстеръ, полковникъ Александръ Михайловичъ Ярошенко, былъ сверстникомъ моего отца по Полтавской гимназіи. Съ поступленіемъ моимъ въ корпусъ знакомство возобновилось, и самъ Александръ Михайловичъ и его супруга, очаровательная Любовь Васильевна, были неизмѣнно добры ко мнѣ во все время моего ученія въ корпусѣ.

Это были родители извѣстнаго русскаго художника Николая Александровича Ярошенко. Я зналъ его совсѣмъ еще маленькимъ мальчикомъ.

Былъ въ корпусѣ завѣдующій лазаретомъ безрукій подполковникъ Николай Федоровичъ Пинкорнелли. Онъ жилъ съ двумя сестрами Анной Федоровной и Елизаветой Федоровной. Это семейство было въ давнихъ пріятельскихъ отношеніяхъ съ моими родственниками съ материнской стороны. Обѣ пожилыя дѣвицы усердно старались откармливать меня по воскреснымъ днямъ.

X.

Хочу закончить мои воспоминанія описаніемъ посѣщеній корпуса Высочайшими Особами и высшимъ начальствомъ.

Для инспекторскихъ смотровъ ежегодно прїѣзжалъ одинъ изъ состоявшихъ при штабѣ военно-учебныхъ заведеній генераловъ. Но эти смотры были формальны и не оставляли въ насъ никакого впечатлѣнія.

Въ ожиданіи смотра вымущтрують насъ по кроватямъ въ равненіи, въ стойкѣ, въ отвѣтъ на привѣтствіе, а то и въ поклонахъ, на случай, если высокому посѣтителю вздумается поклониться; на самомъ смотрѣ одѣнуть насъ то въ мундиры, то въ куртки, то въ шинели; во время обѣда зайдетъ генералъ въ

столовую, иногда, правду сказать, рѣдко, зайдетъ въ классы, и для насъ, кадетъ, этимъ исчерпывается вся процедура инспекторскаго смотра.

Совсѣмъ иначе чувствовали мы себя, когда въ корпусъ прїѣзжалъ начальникъ Штаба военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Ростовцовъ.

Сколько помню, онъ тоже прїѣзжалъ въ мое время каждый годъ и останавливался у добраго своего знакомаго, бывшаго савновника, а въ тѣ годы маститаго Полтавскаго обывателя, Михаила Павловича Позена.

По самой задачѣ этихъ воспоминаній я могу говорить здѣсь только о нашихъ тогдашнихъ кадетскихъ наблюденіяхъ и впечатлѣніяхъ. Въ нашемъ возрастѣ мы не могли понимать истиннаго смысла многихъ поступковъ этого выдающагося государственнаго человѣка и, разумѣется, могли оцѣнивать ихъ только съ нашей дѣтской точки зрѣнія.

Очень жалѣю, что у меня нѣтъ никакихъ документальныхъ данныхъ, чтобы корректировать эти давнія впечатлѣнія, но думаю, что мнѣ не измѣняетъ моя память и постараюсь быть правдивымъ въ описаніи по крайней мѣрѣ фактической стороны этихъ посѣщеній.

По внѣшности Ростовцовъ былъ «особа» въ полномъ значеніи этого слова. Первое впечатлѣніе было, что передъ вами стоитъ человѣкъ серьезный и властный. Если онъ былъ доволенъ тѣмъ, что видѣлъ, на лицѣ его появлялась улыбка, разговоръ его съ замѣтнымъ заиканьемъ становился благосклоннымъ; онъ охотно прибѣгалъ къ шуткѣ и случалось, что шутки его принимали необычную, своевольную форму. Однако иногда вдругъ, подъ вліяніемъ какой-нибудь неловкой или непредусмотрѣнной оплошности, онъ моментально загорался гнѣвомъ и наводилъ на насъ страхъ.

Изъ всего этого для тогдашнихъ кадетъ вытекало совершенно безошибочное заключеніе, что на глазахъ у Ростовцова надо было быть подтянутымъ, веселымъ, расторопнымъ, но надо было держать ухо очень остро, чтобы какимъ-нибудь поступкомъ, жестомъ или даже взглядомъ не привести его въ раздраженіе.

Не знаю, было ли у него тутъ что-нибудь преднамѣренное,

продуманное, но въ сущности въ этомъ заключался весь смыслъ тогдашняго военнаго воспитанія.

Посѣщая уроки, Ростовцовъ обнаруживалъ не формальный, а внутренний и просвѣщенный интересъ къ учебному дѣлу. Къ учителямъ относился благосклонно. Иногда послѣ урока разговаривалъ съ ними.

Случалось, что онъ довольно долго сидѣлъ на урокѣ и слушалъ отвѣты или объясненія учителя. На урокахъ русскаго языка онъ любилъ слушать выученныя на память стихотворенія. Какъ я сказалъ уже, мы много учили на память, и Корженевскій умѣлъ выбирать для насъ поэтическіе образцы, но главнымъ матеріаломъ служили тогда описательные, историческіе, патріотическіе и военные отрывки. Очевидно такъ это полагалось по духу того времени. Помню, когда мы были уже въ IV общемъ классѣ, Ростовцовъ, прослушавъ нѣкоторое время наши отвѣты спросилъ:—«А знаетъ ли кто-нибудь Бородинскую Годовщину?»

Леонардъ Осиповичъ доложилъ, что знаютъ всѣ, такъ какъ это входило въ число учебныхъ занятій. У Ростовцова глаза засвѣтились отъ удовольствія.

— «Ну, а Клеветникамъ Россіи?» Оказалось, что учили и это.

Съ выраженіемъ полного удовлетворенія прослушалъ онъ и то, и другое стихотвореніе, посмѣялся отвѣчавшему кадету, что онъ живетъ ближе къ Пламенной Колхидѣ, чѣмъ къ Хладнымъ финскимъ скаламъ, и съ сердечностью благодарилъ Корженевскаго.

Очень внимательно относился онъ къ работѣ кадетъ и по всѣмъ другимъ предметамъ. Хорошіе отвѣты видимо его радовали и онъ умѣлъ выразить свою благодарность добрымъ словомъ, иногда доброю, веселою шуткою. Слабые отвѣты его раздражали, и онъ ихъ не дослушивалъ; но такихъ кадетъ при немъ и не вызывали.

Ростовцовъ не былъ строевымъ генераломъ въ тогдашнемъ пониманіи этого термина, но ему приходилось видѣть такъ много учений, смотровъ и парадовъ, производимыхъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, что онъ естественно долженъ былъ усвоить себѣ непреклонную строевую требовательность своего начальника. Мнѣ кажется, что въ нѣкоторыхъ отноше-

ніяхъ онъ даже преувеличивалъ эту требовательность. Для него строевое ученіе было тогда только хорошо, когда оно выполнялось съ безусловною машинообразною точностью. Всякое нарушеніе этой точности сразу выводило его изъ себя. Строится, наприимѣръ, батальонъ въ колонну справа, и вотъ какой-нибудь взводъ затягиваетъ ногу, нечетко останавливается или не входитъ въ свое мѣсто всего на одинъ какой-нибудь рядъ... Довольно! все пошло на смарку, Ростовцовъ вѣдъ себя, кричитъ и на офицера, и на взводъ, и на роту и требуетъ многократнаго повторенія одного и того же построенія, пока оно не будетъ сдѣлано съ безупречною механическою точностью.

Строевыя требованія его были иногда просто невыполнимы, но зато онъ видимо становился веселъ и доволенъ, когда случайно они выполнялись удовлетворительно. Не могу забыть, какъ однажды, въ лагеряхъ, послѣ ружейныхъ пріемовъ, онъ скомандовалъ развернутому батальону:—«Тихимъ шагомъ»... Сохранить равненіе развернутаго фронта длиною въ сто человѣкъ при маршировкѣ, тогдашнимъ тихимъ шагомъ, можно было развѣ только при исключительной счастливой случайности... Судьба послала намъ эту случайность: батальонъ прошелъ изумительно ровно. Трудно даже описать, какое удовольствіе доставило это Ростовцову. Онъ похвалилъ кадетъ, сказалъ, что больше ему и смотрѣть нечего, и, кажется, поцѣловалъ Дубровина.

Когда онъ видѣлъ кадетъ въ часы свободныя отъ ученія, когда онъ былъ доволенъ всѣмъ, что видѣлъ, въ его обращеніи съ ними часто проявлялась неожиданная эксцентричность.

Однажды онъ пріѣхалъ въ корпусъ, когда мы были въ лагерѣ, и пошелъ купаться вмѣстѣ съ неранжированной ротой. По-видимому это было у него предусмотрѣно, такъ какъ тутъ же ему подали костюмъ для купанья. Войдя въ воду, онъ требовалъ, чтобы кадеты плыли съ нимъ въ перегонку, ловилъ нѣкоторыхъ, сажалъ къ себѣ на спину и потомъ неожиданно сбрасывалъ ихъ въ воду...

Бывало и такъ: обходить онъ кадетъ по кроватямъ, положимъ во второй ротѣ, и вдругъ, обернувшись къ ротному командиру, спрашиваетъ:—«А умѣютъ они у васъ лазить на печки?»—Кли-

менко растерянно смотреть на него и не знает, что сказать, тогда онъ обращается къ кадетамъ:

— «Кто изъ васъ умѣетъ лазить на печку?»—Выходитъ небольшой бѣлобрысый кадетикъ.—«Ты?»

— «Такъ точно ваше пр-во; только я съ подсадкой...»

— «Покажи!»—Появляется дюжій кадетъ съ праваго фланга, становится лицомъ къ печкѣ, малышъ ловко вспрыгиваетъ ему на плечи, хватается руками за верхній край печки, притягивается, кладетъ локти на верхнюю площадку и готовъ уже прыгнуть на нее ногами...

— «Довольно! — говоритъ Ростовцовъ, — ступай внизъ! Ты ловкій и смѣлый мальчикъ; должно быть ты уже не разъ бывалъ на печкѣ. Не хочу знать, что ты тамъ дѣлалъ, но не советую повторять этой штуки, а то тебя капитанъ Клименко не поблагодаритъ за это. Кстати, покажи-ка мнѣ твои руки?»

Затѣмъ, обращаясь къ полицмейстеру: — «И печки ведутъ себя хорошо, умылись къ моему приѣзду...»

Было много случаевъ, которые рисовали намъ Ростовцова такимъ начальникомъ, который можетъ потребовать отъ насъ, шута или серьезно такихъ вещей, какихъ никогда не требуетъ другое начальство, и которыя мы должны исполнять безъ колебанія и разсужденія... Мы только-что легли спать; вдругъ запыхавшись прибѣгаетъ помощникъ швейцара и докладываетъ офицеру, что въ корпусъ прибылъ начальникъ Штаба. Появляется Нарѣжный, насъ торопливо укладываютъ по хорошему: руки сверхъ одѣялъ и на правый бокъ; все обращается въ ожиданіе. Быстрыми тихими шагами входитъ одинъ изъ офицеровъ и вполголоса говоритъ Нарѣжному, что начальникъ Штаба во второй ротѣ приказалъ кричать пѣтухами и остался недоволенъ, когда закричали не все сразу. Нарѣжный объявляетъ намъ во всеуслышаніе: — «Если начальникъ Штаба прикажетъ кричать пѣтухами, кричать непременно всемъ, кто какъ умѣетъ; чтобы ни одинъ не молчалъ...»

Приходитъ такимъ же таинственнымъ шагомъ еще офицеръ: въ 1-й ротѣ начальникъ Штаба приказалъ всемъ чихать, смѣялся и пожелалъ, чтобы къ завтраму у нихъ прошелъ этотъ сильный насморкъ. Нарѣжный дѣлаетъ опять соответствующее

объявленіе: «если начальникъ Штаба прикажетъ чихать...» и пр. Все затихаетъ... Но вотъ изъ церковнаго корридора доносятся звукъ шпоръ и довольно громкій говоръ. Входитъ Ростовцовъ въ сопровожденіи директора и другихъ чиновъ.

— «А тутъ уже спать?»—Нарѣжный хочетъ что-то доложить, но Ростовцовъ машетъ ему рукой.—«Что же я храпа не слышу? А ну-ка покажи какъ русскіе богатыри храпятъ послѣ славныхъ подвиговъ! Начинай!»—Раздается несуразный, неумѣлый дѣтскій храпъ; высокій посетитель смѣется:—«Ну, видно вы еще не настоящіе богатыри... Но усердія у васъ много; спасибо, дѣти; спите спокойно, завтра увидимся...»

На другой день онъ дѣлаетъ смотръ корпусной пожарной командѣ. Когда дроги съ бочкой и трубой прибыли на одинъ изъ боковыхъ дворишковъ, онъ требуетъ сюда же и 1-ю мушкетерскую роту, отводитъ ее въ сторону, приказываетъ имъ раздѣться до нага, выстраиваетъ противъ бочки и велитъ направить въ нихъ струю воды.—Это будетъ полезно имъ послѣ вчерашняго насморка, смѣется онъ и совершенно довольный наблюдаетъ, какъ кадеты одѣваются, и идетъ съ ними къ завтраку ¹⁾.

Это все то, что мнѣ вѣрно сохранила моя память о приѣздахъ Ростовцова въ Полтаву. Позднѣе, въ Дворянскомъ полку, я ближе видѣлъ Ростовцова и со стороны его чудачествъ, и со стороны сердечнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко обдуманнаго отношенія его ко всемъ явленіямъ нашей кадетской жизни и нашего воспитанія.

Я не вижу надобности, да въ сущности я не чувствую себя и въ силахъ вдаваться въ какія-либо соображенія по поводу

¹⁾ Указанное выше купанье Ростовцова съ кадетами неранжированной роты, а также обливаніе взрослыхъ кадетъ изъ пожарной трубы имѣетъ слѣдующее объясненіе.

Ростовцову, да и многимъ его современникамъ казалось, что легко опредѣлить по внѣшнему виду тѣхъ, кто предается „тайному“ пороку. Увѣренный въ этомъ Ростовцовъ и прибѣгалъ къ такимъ оригинальнымъ приемамъ. (См. *П. Петровъ*. Ист. оч. военно-учебныхъ заведеній. Ч. II, стр. 38).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ великому князю Михаилу Павловичу Ростовцовъ откровенно высказываетъ, что осмотръ голыхъ онъ дѣлаетъ въ каждомъ корпусѣ, находя это полезнымъ „для наблюденія“ за степенью онанизма (см. Арх. Гл. управленія в. у. з. 1835 г. Д. № 55, письмо отъ 28 іюля 1845 г.). *Ред.*

приведенныхъ здѣсь случаевъ. Не мнѣ говорить также о государственныхъ заслугахъ этого человѣка; довольно, если я напомню моимъ читателямъ, что Ростовцовъ, обливавшій кадетъ изъ пожарной трубы, былъ тотъ же самый Ростовцовъ, который написалъ приказъ по поводу кончины великаго князя Михаила Павловича.

Добавлю, что Ростовцовъ очень хорошо, серьезно и дружески относился къ нашему директору.

XI.

Я былъ во 2-й мушкетерской ротѣ, когда черезъ Полтаву, по пути на Кавказъ, прослѣдовалъ тогдашній Августѣйшій главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Мнѣ приходитъ на память, что мы начали ждать высокаго посѣтителя часовъ съ трехъ дня, и насъ раза два выстраивали по кроватямъ въ ожиданіи, что онъ сейчасъ прибудетъ въ корпусъ, но оказывалось, что это была ложная тревога. Подъѣзжали къ генераль-губернаторскому дому какіе-то экипажи, но его Высочества еще не было. Пришло извѣстіе, что по случаю дурныхъ дорогъ Его Высочество можетъ прибыть въ Полтаву только къ ночи, и въ такомъ случаѣ сегодня не будетъ уже въ корпусѣ. Насъ переодѣли въ старыя куртки и вывели гулять въ круглый садъ. Вдругъ откуда-то свѣдѣніе: пріѣхалъ! пріѣхалъ!—Всѣ мы стремглавъ бросились въ корпусъ и какъ были, такъ и построились по кроватямъ.

Быстро обошелъ Великій Князь всѣ помѣщенія, очевидно прямо съ дороги, въ сюртукѣ, и поразилъ насъ и своимъ изящнымъ видомъ и своимъ чарующимъ, деликатнымъ обращеніемъ.

На другой день онъ сдѣлалъ намъ смотръ на корпусномъ плацу. Видимо онъ остался очень доволенъ и въ теплыхъ словахъ выразилъ намъ свое удовольствіе. Прощаясь, онъ сказалъ, что доложить Государю Императору о прекрасномъ состояніи корпуса и надѣется, что Петровскіе кадеты оправдаютъ передъ государемъ его похвальный отзывъ.

Въ слѣдующемъ учебномъ году корпусъ былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Императора Николая Павловича.

И наши отцы, и наше начальство, и всѣ русскіе люди почитали этого Государя какъ высшее олицетвореніе непреодолимой власти, безпредѣльнаго могущества и безмѣрнаго величія, какія только были когда нибудь даны человѣку на землѣ. Мы, дѣти русскихъ дворянъ, воспитывались въ этихъ чувствахъ отъ колыбели, и понятно, что ожиданіе прибытія великаго русскаго Царя приводило насъ въ несказанное волненіе. Мы и радовались, и гордились, и прилагали всѣ наши силы, чтобы достойно предстать передъ очами великаго царя, но въ этихъ нашихъ чувствахъ было и что-то тревожное, наше смутное представленіе величайшаго земного могущества естественно внушало намъ нѣкоторый страхъ ожиданія.

Мы рано построились на корпусномъ плацу, въ полной парадной формѣ, развернутымъ фронтомъ. Неранжированная рота, въ курточкахъ, стояла въ сторонѣ, на лѣвомъ флангѣ, и принимала участіе только въ церемониальномъ маршѣ.

Дубровинъ, добрый, подтянутый, стоялъ въ ожиданіи передъ батальономъ; Врангель, спокойный какъ всегда, былъ на правомъ флангѣ. Чины, не находившіеся въ строю, стояли въ концѣ развернутаго батальона.

Къ 10 часамъ въ коляскѣ прибылъ Государь и съ нимъ какой-то высокій генераль въ незнакомой для насъ формѣ. Потомъ мы узнали, что это былъ прусскій фельдмаршалъ баронъ Врангель, котораго Государь будто бы нарочно взялъ съ собою въ эту поѣздку, чтобы онъ познакомился въ Полтавѣ со своимъ однофамильцемъ.

Выйдя изъ коляски, Государь принялъ рапортъ Дубровина, сдѣлалъ ласковый привѣтственный знакъ директору и громко поздоровался съ нами. Насъ поразила его высокая, стройная и дѣйствительно властная величественная фигура, какъ-то магически прозвучалъ для насъ его звучный теноръ, но многимъ, я думаю, бросилось въ глаза, что онъ совсѣмъ почти не былъ похожъ на тѣ его портреты, которые висѣли у насъ въ ротахъ. То были форменные портреты, которые одни только и были утверждены для всѣхъ правительственныхъ учреждений; но съ

тѣхъ поръ прошло уже слишкомъ двадцать лѣтъ, и естественно, что сходство не могло сохраниться. Государь былъ похожъ теперь на тотъ превосходный портретъ 50-хъ годовъ, который во множествѣ былъ распространенъ въ послѣдствіи въ литографіяхъ.

Посмотрѣвъ ружейные приемы, онъ похвалилъ батальонъ и велѣлъ, чтобы къ нему вышелъ самый маленькій кадетъ неранжированной роты. Нарѣжный высмалъ Цыбульского 2-го. Когда мальчикъ подошелъ къ Государю, онъ поднялъ его подъ локти въ уровень со своимъ лицомъ, потомъ поставилъ его передъ собою, лицомъ къ фронту, и положилъ руки на его плечи. Во время всего ученія онъ шутилъ съ нимъ, то переворачивалъ, то клалъ на землю, то поднималъ и дѣлалъ видъ, что хочетъ его уронить или бросить...

Ученіе и церемоніальный маршъ прошли безъ заминки. Государь нѣсколько разъ благодарилъ кадетъ, выразилъ свою особенную благодарность офицерамъ, батальонному командиру и подалъ руку директору; Врангель хорошимъ, искреннимъ движеніемъ нагнулся и поцѣловалъ эту руку. Это было на глазахъ у насъ всѣхъ.

Всѣ мы были, можно прямо сказать, вѣ себя отъ счастья. Но тутъ произошло нѣчто, правда, совсѣмъ незначительное, но въ такой необычной обстановкѣ и самые малые случаи остаются памятны на всю жизнь...

Приказавъ вести батальонъ въ корпусъ, Государь нѣсколько задержался у коляски, разговаривая съ прусскимъ фельдмаршаломъ и нашимъ директоромъ. Дубровинъ скомандовалъ «подъ знамена...», за знаменемъ пошла гренадерская рота, а за нею и весь батальонъ.

Идемъ мы уже по улицѣ, счастливые и довольные, какъ вдругъ изъ догоняющей насъ коляски раздастся могучій, властный голосъ:—«Музыканты! что за арія!»

Мы ничего не поняли и едва ли кто понялъ что-нибудь изъ нашего начальства, но этотъ возгласъ произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе; всѣ мы и весь народъ во множествѣ толпившійся на прилегающемъ къ дорогѣ ипподромѣ, все замерло; даже въ самомъ воздухѣ какъ-будто прекратилось всякое движеніе...

Но это былъ одинъ моментъ; музыканты поняли; черевъ че-

тыре счета они заиграли что-то новое и Государь обогналъ насъ съ довольнымъ лицомъ и снова поблагодарилъ за ученіе.

Потомъ мы узнали, что изъ желанія отличиться музыканты заиграли маршъ «подъ знамена» на трубахъ, тогда какъ по уставу должны были играть его на сигнальныхъ рожкахъ. У Государя былъ очень тонкій слухъ, и онъ сразу это замѣтилъ.

Въ первомъ часу Государь обходилъ роты. Мы были выстроены по кроватямъ; унтеръ-офицеры стали отдѣльно, подъ красными досками, вывѣшенными въ спальняхъ.

Государь всегда во всѣхъ корпусахъ смотрѣлъ унтеръ-офицеровъ отдѣльно отъ кадетъ, и это очень возвышало унтеръ-офицерское званіе.

Здѣсь, въ корпусѣ, Государь держалъ себя не съ такою формальною подтянутостью, какъ на ученіи, но во всей его особѣ чувствовалась какая-то благожелательная увѣренность въ доброй воли и преданности всякаго человѣка, къ которому онъ обращался.

Обойдя быстро кадетъ по кроватямъ, онъ переходилъ къ унтеръ-офицерамъ, которые должны были называть ему свои фамилии, и для каждого изъ нихъ находилъ одобрительное слово.

Въ часъ онъ присутствовалъ въ столовой за нашимъ обѣдомъ. Онъ пробовалъ пищу изъ кадетскихъ тарелокъ, и ему очень понравился нашъ борщъ. Врангель доложилъ ему, что это настоящій малороссійскій борщъ, и Государь пожелалъ, чтобы рецептъ этого борща былъ сообщенъ его повару.

Въ 4 часа былъ назначенъ отъѣздъ Государя. Онъ приказалъ, чтобы къ этому времени въ генералъ-губернаторскій домъ, гдѣ онъ имѣлъ свое пребываніе, были приведены всѣ унтеръ-офицеры. Когда Врангель вошелъ съ нами и мы стали у стѣны въ шеренгу, Государь объявилъ ему, что совершенно довольный всѣмъ тѣмъ, что онъ видѣлъ, онъ жалуетъ корпусу новый шифръ на погоны, именно вензель Петра Великаго; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду новой перегруппировки губернскихъ кадетскихъ корпусовъ по старшинству ихъ основанія, въ связи съ только что состоявшимся открытіемъ Кіевскаго кадетскаго корпуса, онъ жалуетъ Полтавскому корпусу синіе погоны съ бѣлымъ кантомъ, вмѣсто прежнихъ бѣлыхъ съ синимъ кантомъ.

Перемѣна шифра естественно очень насъ заняла; до сихъ поръ у насъ были два рядомъ стоящіе II печатнаго образца; это было слишкомъ просто, но мы не имѣли рѣшительно никакого понятія о начертаніи этого новаго шифра.

Государь спросилъ у Врангеля, помнитъ ли онъ этотъ вензель Петра I, и видя, что онъ какъ-будто недоумѣваетъ, подошелъ къ нашей шеренгѣ, въ которой я стоялъ на самомъ лѣвомъ флангѣ, взялъ меня за плечо, повернулъ направо, плечомъ къ себѣ, и показалъ пальцемъ на моемъ лѣвомъ погонѣ начертаніе этого вензеля.

Врангель тотчасъ же припомнилъ, что видѣлъ этотъ вензель много разъ и въ Петергофѣ, и въ Петербургѣ, и Государь сказалъ, что предоставляет ему самому выработать образецъ и красивый, и удобный по величинѣ для погона.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь милостиво откликнулся на одну изъ настоятельныхъ потребностей нашего заведенія. Онъ подарилъ корпусу, для квартирныхъ помѣщеній служащихъ чиновъ, бывшій губернаторскій домъ, стоявшій незанятымъ послѣ упраздненія въ Полтавѣ генераль-губернаторства.

Въ заключеніе Государь очень тепло простился съ нами, кадетами, замѣтилъ, что съ нѣкоторыми изъ насъ онъ прощается ненадолго, такъ какъ надѣется скоро увидѣться съ ними въ Дворянскомъ полку, и удалился съ Врангелемъ и другими бывшими тутъ чинами во внутренніе покои.

Мы вышли на улицу и пристроились къ своимъ ротамъ, стоявшимъ на тротуарѣ по пути слѣдованія Государя.

Черезъ нѣсколько минутъ открытый экипажъ Государя быстро промчался мимо насъ. Государь громко сказалъ намъ «прощайте, дѣти!» и мы отвѣтили ему и закричали «ура» отъ всей полноты нашихъ чувствъ.

Много и долго толковали мы объ этомъ знаменательномъ для насъ днѣ. Мы не могли вмѣстить въ себѣ представленія, что мы стояли такъ близко къ этому всеильному и всевластному человѣку, что мы слышали его голосъ, что мы говорили съ нимъ, что иныхъ изъ насъ онъ поощрительно гладилъ по щекѣ или по головѣ и что всѣми нами онъ остался доволенъ.

Долго говорили, но еще дольше носили это событіе въ памяти...

Пробовали мы, разумѣется, рисовать и пожалованный намъ шифръ; но это намъ не удавалось; выходило какъ-то не симметрично...

Однако этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ раньше, чѣмъ мы думали. Въ самый день отъѣзда, вечеромъ, между кадетами разнесся слухъ, что Василій Ивановичъ Дудышкинъ чудесно начертилъ шифръ въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ онъ долженъ стоять на погонѣ, что рисунокъ очень понравился директору и что завтра же онъ будетъ отправленъ въ Штабъ военно-учебныхъ заведеній на утвержденіе.

Недѣли черезъ три мы всѣ ходили уже въ новыхъ погонахъ...

